

Любовь Shapiro

роман

Взлёт без посадки

Любовь Шапиро
Взлёт без посадки

«Accent Graphics communications»

2017

Шапиро Л.

Взлёт без посадки / Л. Шапиро — «Accent Graphics communications», 2017

ISBN 978-1-77192-365-1

Многие презирают телевидение, и оно заслуживает презрения. Реальную жестокую жизнь оно стремится приукрасить мишурным блеском рекламных роликов, эстрадных премий и азартных игр. Оно даёт надежду, которую в большинстве случаев не в силах исполнить... И только иногда, – только иногда невероятным напряжением сил и своих лучших качеств телевидение способно даже случайному человеку дать то маленькое обывательское счастье, на которое ни у какого правительства никогда не хватит сил и времени, а у Господа – о такой ерунде не попросишь.

ISBN 978-1-77192-365-1

© Шапиро Л., 2017
© Accent Graphics
communications, 2017

Содержание

«Взлёт без посадки»	7
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Любовь Шапиро Взлёт без посадки

Посвящается Григорию Гурвичу

Любовь Шапиро

Любовь Шапиро начала писать книги только в сорок четыре года. Родилась в Москве в проезде Художественного театра (Камергерский переулок). Видимо, это определило её судьбу.

Л.Шапиро – Художественный руководитель театра-кабаре «Летучая мышь» и.м. Гр. Гурвича. Преподавала в РАТИ, работала на телевидение – была сценаристом ряда

цикловых программ, посвященных жанрам кабаре и мюзикла. Одновременно начинает писать книги. Лучшие всего зная театральный мир, автор пишет на театральные темы детективно – любовно – авантурные романы: «Закулисные страсти», «Дневник романтической дурочки», «Жизнь – это кабаре», «Моя бабушка – Золушка» или «Жизнь злой девочки», «В сорок лет жизнь только начинается», «Я люблю дышать и только», «Искренне преданные», «Перфекционист», «LOL», «Что дальше...?».

Читайте – это то, что нужно сейчас!

Текст является художественным произведением, опирающимся на фантазию автора. Словоизлияние персонажей, как есть, без купюр. Все персонажи романа являются вымышленными, и любое совпадение с реально живущими или когда-либо жившими людьми случайно.

Если вы неожиданно узнали себя на страницах этой книги...

Уверяю, вам показалось.

Книга «Взлёт без посадки» Многие презирают телевидение, и оно заслуживает презрения. Реальную жестокую жизнь оно стремится приукрасить мишурным блеском рекламных роликов, эстрадных премий и азартных игр. Оно даёт надежду, которую в большинстве случаев не в силах исполнить...

И только иногда, – только иногда невероятным напряжением сил и своих лучших качеств телевидение способно даже случайному человеку дать то маленькое обывательское счастье, на которое ни у какого правительства никогда не хватит сил и времени, а у Господа – о такой ерунде не попросишь.

«Взлёт без посадки»

*Можно дурачить часть народа всё время,
Можно дурачить весь народ некоторое время,
Но нельзя дурачить всё время весь народ.*

Авраам Линкольн

– Лялька, привет. Узнала, – спросил, как игристое шампанское.

– Твою неизбывную радость не узнать трудно. Что случилось, – настороженно спросила я. Кто-то родился или умер. Обычно ты звонишь по таким поводам.

– Ну, не совсем так, – смутилась Лена. Я хочу тебе напомнить, что исполняется двадцать лет как мы пришли работать на ТВ и переделали его.

– Действительно большой праздник, если учесть, что мы только помогли тем, кто действительно двигал корабль вперёд, – грустно ответила я.

– Мы и решили сделать программу о самых главных людях, кто придал новый смысл, создал славу телевидению 90-х годов, – звонким голосом пропела подруга. – А ты собирала все материалы тех лет. Многие даже посмеивались, что нам и уборщицы не нужны.

Я вполуха слушала Ленкин лепет, а думала о том, что она хочет вернуть меня в прошлое. Ещё тогда я решила никогда не оглядываться на ту жизнь.

Путь «возврата», недавно где-то прочлая, – «это Расширение! Квантовый скачок из точки дает расширение, оно меняет «точку сборки» сознания и мировосприятия. Так рационально работает квантовый мир. Сомневаетесь? Просто Вы не увлекались метафизикой или не верите в Бога, эти на первый взгляд такие разные понятия очень близки друг к другу». Читая эти слова, я была в недоумении. Но сегодня...? Сгореть, даже не взлетев. Критическая черта, после перехода, которой нет возможности возвращения к исходному состоянию. Я уже пробовала, но поняла, что путь туда закрыт.

Не выполнить Ленкину просьбу не хотелось. Это как признание в своей бесконечной слабости и изнеможении. Кроме того – о том, о чём просит бывшая соратница и приятельница можно осуществить, не прилагая больших усилий. Найти, отдать и забыть.

Но у меня было состояние, после которого невозможно ничего вернуть. Жизненного «топлива» уже не хватает на рывок к здоровью, счастью, мечте, когда опускаются руки и уже ничего не хочется начинать сначала. Точка НЕвозврата, это точка отсчета, после которой в игру вступает тяжелая артиллерия – жесткая Карма.

Какова же моя судьба теперь. Много лет я загоняла мысли о двадцилетней давности вглубь черепа. И всё ж я вытащила всё, что сохранила. Удивилась, как тщательно и любовно были завернуты переписанные кассеты, бумаги, записки, сценарии и не помню, что ещё.

ОН стоял в тёмном павильоне и шептал слова предстоящей программы или просто размышлял.

Это был мой первый день на ТВ. Взяли меня для «поди, принеси, подай». Обязанностей своих точно я не знала, мечтала о том, что из «мартышки на побегушках» со временем превращусь в ту, кто формирует мировоззрение и вкус миллионов людей. С первого же дня подбирала любую бумажку, видеокассету, даже копалась в мусорных баках. Туда знаменитые ведущие любили выкидывать, то, что уже отработали. Заплатив немалую сумму, купила диктофон. Ведь каждый уважающий себя известный телевизионщик просто обязан иметь записывающее устройство.

Войдя в неосвещенную студию, услышала голос. Спряталась за штору и стала слушать. Голос этот я узнала сразу, потому и застыла как статуя, не дыша, не двигая даже пальцем, только нажала кнопку диктофона.

Вдруг зажётся маленький фонарик и осветит лицо. ОН, стоя посреди студии, опершись на своеобразный пюпитр, и заговорил мягко и торжественно:

«Телевидение!..Когда-то здесь царили строгие нравы. Люди с суровыми убеждениями, защищая наше хрупкое сознание от пугающих сюрпризов и неоправданных надежд, властвовали жестоко и таинственно. Новости мы узнавали от знакомых, праздники отмечали в кругу друзей. Люди, работавшие тут, не были похожи на нас и наших близких. Их голоса, лица, костюмы, причёски, словно изготовленные в секретной лаборатории, несли на себе печать недоступности и государственного величия, а так же внушали мысль, что в мире никогда ничего не изменится и это хорошо». «Конечно – жизнь порой стучалась и сюда, опалая жарким дыханием страницы инструкций и предписаний. Представляю мужчину и женщину, сцепившихся в жарком поцелуе, на редакционном столе... И даже порой, принимали экзотические, необузданные формы: двое мужчин – молодой и среднего возраста, напряжённо смотрели друг на друга, взявшись за руки. Как представляю себе, хочется плакать и сочувствовать. Хорошо, что не посадили».

ОН закончил свой монолог и засмеялся.

Чему он радовался в тот момент, я не поняла.

ОН бродил по тёмному пространству, выхватывая из темноты своим фонарём то монументальных руководителей, сидевших в креслах, то официальных дикторов, то певца с «гостями» передачи – нечто вроде воскового музея.

Кто создал своеобразный музей Мадам Тюссо – ЕГО сознание или просто по ЕГО просьбе сотворили бутафоры. Зачем они ему, я тогда не знала. Позже я разобралась, ОН освождал себя и всех нас от той чумы, которая правила страной много лет.

Я закрыла глаза, и события как плёнка разматывалась и возвращала события той поры. А ещё слышались голоса, в основном смех и радость. В общем, поплыла по волне своей памяти, аккуратно распаковывая интеллектуальный багаж девяностых годов.

– Стас привет, стою в своей студии и слышу безудержное веселье из вашей комнаты. Вы же готовите политические новости.

– Костя, дорогой, ты не представляешь, как весело обсуждать политических деятелей, как свободно можно говорить абсолютно на любые темы. Мы радуемся каждой новой репризе. Конечно, твою иронию, не переплюнет никто. Твой сарказм бесподобен, твоя эрудиция уникальна, но мы тоже не пальцем сделаны. Кое-что можем.

– Лесть не бывает груба. Ты прав – я несравненен. Пошёл проявлять свой редкостный талант в борьбе с продюсерами. Мы простые зрители вашей наглой программы надеемся, что Великая Китайская стена нерушимая цитадель и трудно ждать от неё что-либо плохое или хорошее. Вы стремитесь её разрушить, как Берлинскую. Наврядли получится. Желая, тем не менее, успеха, – Костя поклонился и пожал руку Стасу.

Стас рассмеялся так громко, что эхо охватило весь холл.

– Не можешь без подъё... За что тебя и люблю, друг мой «Пушкин». Уверю тебя водном – Кремлевскую стену мы трогать не станем. Мы войдём в Спасские ворота.

Я тихонько выползла из студии и услышала голос ЕГО – Кости Бортнева – самого талантливого ведущего, любимца всех девушек Останкино. Мужчины, одни его уважали и признавали его необузданные феерический нрав, другие – ненавидели и побаивались, третьи – пытались делать вид, что они способны соответствовать его уровню.

– Ляля, не видела Бортнева. Зяка уже рвёт и мечет.

– Девушки я уже здесь и готов к работе, – подпрыгивая и потирая руки, поправляя, как всегда очки и подмигивая одним глазом – когда Костя волновался, у него появлялся тик, но он ему придавал какое-то особое ироническое отношение.

За звукорежиссёрским пультом Зяка, милая и современная барышня положила руки на пульт и повернулась к режиссёру, ожидая команды.

– Мы можем начинать? – поинтересовалась она у режиссера Вани.

– Давай, – дал отмашку Иван.

Зякины пальцы пробежали по широкому, как взлётная полоса пульту. Камера «крупно взяла» Ведущего, освещённого большим юпитером.

– Костя начинай, – скомандовал режиссёр.

– Когда же наступили новые времена, когда телевидение стало событием нашей жизни, её ежедневным приключением, когда оно оказалось нашим самым верным другом, который каждую минуту умоляет: напиши мне! Позвони мне! Сейчас! Ежедневно! Круглосуточно! Я жду тебя! Я не могу без тебя! – вот тогда, для очень многих из нас, оно стало ещё и единственной надеждой на простое, маленькое счастье, на которое ни у одного государства никогда не хватит сил, а у Бога о таких вещах – просить не полагается.

– Клёво, – Костя ты неотразим. Сейчас заставка.

Отсмотрев эту часть программы, думая, что будет перерыв, начала готовить кофе и чай. В режиссёрскую комнату энергично вошёл продюсер программы – Протасов. Он остановился за спиной Зяки и уставился в монитор.

Тут зажгётся, прямо обрушился полный свет, и мы оказались в большой студии, где пространство между уже виденными ведущим и мною экспонатами стало заполняться осветителями, операторами, гримёрами, массовками, красотками и везде во что-то такое играли. Вырвавшись из гримуборной артисты, на ходу одеваясь, спотыкаясь и балансируя, кинулись куда-то через коридоры студии, где крутились барабаны, колёса фортуны, рулетки, сыпались кости, карты, фишки. Забегали ассистентки с табличками «Бурная овация», «Разочарованный вздох», «Аплодисменты», «Общее возмущение». Мне досталось «Общее возмущение». Я огорчилась, считая, что на программе Бортнева не может быть возмущения в принципе. Привезли призы – телики, видеки, вертушки, тачки, лодки. Над всем этим ансамбль в белых костюмах и шляпах пел песню о том, что телевидение это рай на земле, но пустят в него лишь тех, кто верит в чудо всем сердцем.

Бежавшие, сломя голову, артисты, наконец, ворвались в студию программы «Звезда экрана». Комедианты выскочили на подиум и ослеплённые мощным дигом, пустились в бешеный пляс. В многочисленных мониторах отражался танцевальный номер. Степ, канотье, тросточка, лёгкие взлетающие кружева юбок. Протасов стоял в клубах сигаретного дыма. Рыжий режиссёр Ваня сохранял сосредоточенное молчание. Протасов обратился к Ване: «Лучше бы мешанина в студии была смонтирована с кадрами из реально действующих викторин – главным образом, с теми моментам, где участники кричат от счастья, плачут от отчаяния и страстно благодарят ведущих. Итак до конца титров. Попробуйте-ка, Ваня к следующей записи. Подготовьте варианты».

Я смотрела в рот Протасова, и мне казалось, что он изрекает мудрейшие истины.

– Ляля, перестань молиться на Вадима, и пока здесь творится бардак, а это минимум на час, принеси из элитного буфета кофе и пару булочек, – попросил Бортнев, доставая смятые бумажки из смокинга.

– Я пытаюсь учиться, – смутилась я.

– У кого – Протасова? – Бортнев взял мою ладонь и поцеловал её. Забудь, как страшный сон. Он жепродюсер – only money, understand, darling! «В Москву, в Москву», Ляля за булочками.

В кафе было шумно, хотя сидело всего три человека – самые именитые продюсеры. Они занимались программой «Звезда экрана», но видимо на время подготовки к записи решили подкрепиться.

– Слава! Седая голова и строчка в энциклопедии. Это, если речь идёт о каком-нибудь первопроходце в науке и всё, – рассуждала корифейка телевидения. – Загубленное детство и бессонные ночи репетиций классического музыканта. Истерзанные конечности знаменитой балерины. Фу, дерьмо. Но, если мы говорим об эстраде... Сейчас самое главное – шоу-бизнес и правильная раскрутка, – небрежно, дымно выпускала колечки, процедила, зажав мундштук в зубах. Бабушка. Так «любовно» называли раритет телевидения Ангелину Игнатьевну Кёрн, соратники.

– ... а главный человек – продюсер. Ибо только мы можем сделать из любого жигало или любой шлюшки – звезду первой величины в любом жанре, – включился в расслабленную беседу вернувшийся из студии Протасов.

– Ну, не скажи. С Костей или командой Стаса не так просто работать. К ним нужен особый хитрый, мягкий подход и в то же время некоторая настойчивость, чтобы они понимали, кто в доме хозяин, – грассируя, подытожил Семен Яковлевич.

К столику подошла худенькая, с бесцветным лицом официантка и без всякого выражения спросила, что желают господ?

– Смотри. Из неё можно сделать что угодно, – прокаркала сквозь хриплый кашель Бабушка. – Как зовут?

– Ирина, а вообще, у нас имён нет. Мы обслуживающий персонал.

– Хамит, девочка. Это хорошо, – засмеялся Протасов.

Я забыла, что мне нужно бежать к Бортневу и, как замороженная, слушала этот странный для меня в то время, разговор. Но записать на диктофон не забыла.

Опомнилась я лишь тогда, когда весёлой гурьбой в приватное кафе вломились Стас и его команда. Они продолжали какой-то весёлый разговор, обсуждая очередное событие нашей необъятной Родины, которые они собирались освящать в своём следующем выпуске «Взора».

– Хочу удава на программу, – внезапно заявил Стас.

– Зачем он тебе? – удивился Лёва. – Удавиться решил? Есть более простые способы.

– Не понимаешь, старик, – попытался объяснить Клёнов непонятливому другу. Нельзя перекармливать народ даже остроумными беседами о политике и политиках, нужно ещё пугать, развлекать и удивлять.

– Главное, чтобы мы не остались без руководителя программы, и наш взор устремился на большую змею. Их в Останкино и так с перебором, – с сарказмом сказал Вася – третий и самый спокойный и похожий на Гурвинека член команды «Взора».

Наконец, я отлипла от стойки и понеслась в студию «Звезды экрана».

Добежав до студии, обомлела. Студия была декорирована под старомодный кинотеатр, всюду портреты и статуи кинозвёзд, великих режиссёров. Короче – это викторина о кино.

Я встала за спиной Зяки, которая тут же схрумкала булочки и запила чаем.

Я даже не заметила и прилипла к монитору. Меня поразил темп происходящего и накал страстей. Это чувствовалось даже через стекло аппаратной, где работали Ваня и Зяка. Дело явно двигалось к концу.

Женщина средних лет с простым добрым лицом, неважно, но тщательно одетая, отвечала на вопросы ведущего, которые тот задавал с пулемётной скоростью.

– Первый фильм Тарковского? – спросил ведущий.

– «Скворец и скрипка»! – робко ответила Вера Кузьминична.

– Последний фильм Феллини? – усложнял вопросы Бортнев.

– «Голоса Луны»! – отвечала Вера Кузьминична.

– Курдюкова, Косых, Васильев – назовите недостающую фамилию! – Ведущий, ускорял темп.

– Ме... Метёлкин! – неуверенно и тихо отвечала Вера Кузьминична.

– Точно! Актёры, играющие «Неуловимых мстителей»! Роль Валерки-гимназиста исполнил Миша Метёлкин! Bravo! – закричал и подпрыгнул Бортнев.

Студия взорвалась воплями.

Ведущий поднял указательный палец: – Рано поздравлять. – Гейбл, Миллер, Монро! Что это за фильм?

– Н... Не знаю... – безнадёжно отвечала Вера Кузьминична.

– «Неприкаянные»! – быстро пояснил ведущий. Едем дальше... «Самогонщики», «Пёс Барбос», «Операция «Ы»! Продолжите список!

– «Семь стариков и одна девушка»! – радостно вспомнила участница.

– Колоссально! Последний фильм с участием знаменитой тройки... ликовал вместе с Верой Кузьминичной и Бортнев. – Это имя носит американская кинозвезда и знаменитый советский режиссёр!

– Марлен! – после небольшой паузы завизжала женщина. – Марлен Дитрих и Марлен Хуциев.

Студия опять завопила.

– Первый муж Софи Лорен?

– Как первый муж? – растерялась женщина. У неё, по-моему... – удивилась испытуемая.

– Фамилия???? – заревел Бортнев.

– Карло Понти, – твёрдо сказала участница и зажмурилась.

– Вера Кузьминична, – строго сказал Костя, – продюсер Карло.

Понтии и по сей день муж своей легендарной жены Софи Лорен, в девичестве Шикколоне. А я спрашивал о первом муже. Вы настаиваете на своём ответе?

– Первый и последний, – Вера Кузьминична сжала губы, потупилась, потом отважно посмотрела в глаза ведущему и повторила – первый и последний.

Ведущий пожал плечами.

В студии воцарилась звенящая тишина.

– Ваша твердость делает вам честь, – сжав губы, Бортнев помолчал. – Потому что вы абсолютно правы. И теперь от победы в сегодняшней игре вас отделяет только один вопрос.

Бортнев закидывал несчастную Веру Кузьминичну вопросом за вопросом, почти не давая времени на размышление.

Я обкусила все ногти, так мне было жаль женщину. Наконец, они добрались до последнего вопроса.

– Вы готовы? – напористо спросил ведущий программы.

Вера Кузьминична растерянно оглядела студию и кивнула в знак согласия.

В студии, наконец, захлопали, но Ведущий властным жестом восстановил тишину. – Итак, тихо, но очень внятно заговорил Бортнев. – Хеппи энд, счастливая концовка. Нет, это не пошлая лакировка, как учили нас когда-то, не ложь, не дурман. Это способ средствами искусства напомнить, что справедливость всё-таки существует. Хотя бы на экране... И, вот я спрашиваю вас, что происходит в печальном, но счастливом конце фильма «Пять вечеров», когда герой Любшина возвращается к женщине, любившей его долгие годы? Какие последние слова произносит Людмила Гурченко. Последние слова фильма?

– Она... – женщина была слегка испугана серьёзностью тона Ведущего. Она говорит: «только бы не было войны»... – негромко сказала Вера Кузьминична.

Ведущий неожиданно отвернулся, быстро провёл рукой возле глаз, потом посмотрел на женщину и покачал головой.

– Нет? – испугалась испытуемая.

– Только женщина могла это запомнить, – сказал Бортнев. – Вы выиграли, – очень серьезно произнёс ведущий.

Студия замерла, у меня руки похолодели...

Тут заревела музыка, закричала студия. Девочки-ассистентки побежали к Вере Кузьминичне с цветами...

– Вы выиграли! – перекрывая шум, закричал ведущий. – В оставшееся эфирное время нам осталась сушая безделица – вручить вам приз.

Шум в студии как обрезало.

Бортнев сделал паузу.

Что ж, Вера Кузьминична – сказал Бортнев легко и быстро. – В нашей предварительной беседе вы всё намекали мне, что у вас никогда не было машины, что вы бы не отказались... Какую марку желаете получить? – элегантно сделав пируэт, спросил Ведущий.

– Ну... кокетничала женщина. – Жигули, Москвич. А можно и иномарку! – сказала она с провинциальным задором и в студии одобрительно захлопали.

Ведущий, пристально глядя на Веру Кузьминичну, и жёстко заговорил – Нет, не будет Вам, ни Москвича, ни Жигулей, ни иномарки. Потому что этонеправда. Вы хорошо знаете, – сообщил он, слегка раздумывая, что в нашей программе мы никогда не объявляем призов заранее и вручаем нашим победителям только то, что им, как нам кажется, нужнее всего, что им не хватает для счастья... Может то, что я говорю и самонадеянно. Таков уж принцип нашей программы, у которой, как вы знаете, самый высокий рейтинг и самое дорогое рекламное время. Телевидение – это коммерция. Было бы ханжеством это отрицать. Нас смотрят все. Это правда! Но тем и отличается наша программа от всех прочих, что главное в ней не деньги, а мечта.

Протасов спросил у Ивана в аппаратной с удивлением: – Это так по тексту? Что-то я не помню таких оборотов. Стал позволять себе Звезда.

– Зато, как хорош, Вадим Андреевич?

– Этого я и боюсь. Когда зайдёт, попроси ко мне заглянуть, – побелев, приказал продюсер. Бортнев продолжал беседу с Верой Кузьминичной.

– Вы где проживаете? – спросил Костя.

– Курская область, город Щигры. Я же говорила, – с готовностью подтвердила Вера Кузьминична.

– Говорили, но так было не всегда. Родились – то вы в Курске, мама работала старшей медсестрой в больнице им. Крупской, но однажды, стараниями людей, которых не хочется вспоминать, вам пришлось оставить им довольно приличную квартиру и уехать в посёлок Щигры, и этого, согласитесь, вы мне не говорили!

Женщина слушала, его не мигая.

Ведущий остановился на минуту и продолжил. Студия замерла, как и все мы в аппаратной.

– А обещали по гороскопу неприятности только с пятницы, а сегодня только вторник, – кручинилась Зяка.

Бортнев вернулся к разговору с несчастной Верой Кузьминичной, которая явно не понимала, что происходит.

– Хорошо ещё, что вашу мать оставили на работе, а вам разрешили ходить втужешколу, нотеперь вам приходилось ездить туда на электричке и возвращаться домой затемно!

На трибунах женщины лили слёзы и всхлипывали.

...и вот однажды, – неумолимо продолжал он, – вы перед поездом зашли с мамой купить картошки и свёклы, потому что в Щиграх и этого не было.

– И репу, ещё пять кило..., – пробормотала Вера Кузьминична.

– Вот-вот, – подхватил ведущий. Много набрали, чтобы каждый раз не таскать. Потом вы вышли на площадь, где еще не было здания нового цирка. Из-за построек барачного типа выехала самая шикарная машина той поры – ЗИМ и затормозил возле вас.

– Господи, ну откуда вы это...? Откуда? – женщина всплеснула руками.

– Хозяина зима вы так и не увидели, он сидел внутри, а шофёр быстро загрузил в багажник два ящика хурмы и мандаринов. И тогда вы пообещали маме... Что вы ей пообещали, а Вера Кузьминична? – продолжал спрашивать Бортнев.

– Что когда вырасту, привезу её на рынок в такой машине, и куплю всё, что она захочет.

– Но прошли годы, – неумолимо гнул свою линию Бортнев, – и автомобиль ЗИМ сняли с производства, и вообще, жизнь оказалась не очень справедливой. Правильно? – подтвердил ведущий.

Женщина только кивала.

– ... но сегодня вы здесь, а вашей маме 84 года, но она неплохо себя чувствует и сидит сейчас у телевизора... Вообще, никогда не поздно ничего исправить. Пока люди живы и пока есть программа «Звезда экрана»... А теперь обернитесь, Вера Кузьминична, и простите меня за всё.

Женщина обернулась. За её спиной в студию уже въезжал огромный чёрный ЗИМ, сверкая лаковыми крыльями.

– Алло? Он в студии на записи. А что предать? – спросила Зяка, шёпотом, прижимая трубку плечом к уху. Руки Зяки совершали на пульте сложные пассы. В студии полились звуки голоса Владимира Нечаева, исполнявшего песню «На катке» 1959 г.

То, что происходило в это время в студии можно описывать, только обливаясь слезами. Вера Кузьминична обнимала ведущего. В ЗИМе оказались ещё деньги, которых, как сказал Бортнев, хватит не на один ящик хурмы и мандаринов.

Ведущий с трудом вырвался из объятий счастливой участницы игры, объявил, что через месяц состоится юбилейная передача, где будет разыгран «Главный Приз Пятилетия». И это будет что-то невероятное, – подмигнул публике в зале и тем, кто сидел у телевизоров, закончил программу Бортнев.

– Опять ты держишь руки в карманах смокинга и садишься, брюки должны идеально выглядеть, – проскрипела Бабушка.

– Честное пионерское больше не буду, – скривив рожицу, Бортнев и поцеловал блестящую от шикарных колец руку Бабушки.

– Врёшь, новсё равно, так как тыщелуешь руки можно простить всё. Тебя, кстати искал разгневанный Протасов. Да и я несколько удивлена текстом, который ты произносил. Ты бредил или злил начальство специально? Семён так просто на стену лез.

– А у Семёна отдышка, и он забыл на время, что он грассирует, – веселился Бортнев. А пытался ли он порыдать у стены Плача?

– Ну, ну, не перегибай планку.

– А кто установил уровень этой планки, – Костя поклонился корифейке и пошёл навстречу Стасу.

– Ты настоящий бесстрашный рыцарь, – покачав головой, обнял Костю Стас. – Кстати зайди к нам. У нас тоже увлекательно. Увидишь одно существо, и тебя оно удивит и «порадует».

– Непременно. Только отдохну немножко. Потом бой с продюсерами, – глядя на друга грустными еврейскими глазами, сказал Костя.

– «И вечный бой, покой нам только снится», – «поддержал Стас Бортнева.

– У нас тоже некоторые проблемы возникли, если честно. Говорят, мы переразвлекались, обсуждая политические и социальные проблемы нашей любимой страны.

– «Я вас люблю, но странную любовьюю», – продекламировал Костя.

– Ты знаешь, что послужило началом репрессий? Я задал вопрос телезрителям: музыкальный инструмент на букву «Х».

– Я тоже не знаю. Ответ получил? – заинтересовался Костя.

– Звонков было море. Но некоторые телезрители позвонили сразу начальству, решив, что над ними издеваются.

– А такой инструмент есть, вообще?

– Хур – моринхур (букв. – голос лошади), струнный смычковый музыкальный инструмент у монгольских народов. Что тут особенного?

– Не бзди. Пошумят и отстанут. Слишком вы популярны. Сейчас наше время, – приободрил Стаса Костя.

Ирина сидела в кафе и читала.

– Мы ведь серьёзно предложили раскрутить тебя, – тихо подошёл и сказал Протасов. – Подумай. А пока – кофе лате.

Бортнев прислушался, что происходит в студии, из которой он только что вышел.

– Стас, пойдём, развлечёмся. И мнение твоё мне интересно узнать, – Костя, напевая, «Ты ведь моряк, Мишка», и пританцовывая, взял Стаса под локоток и повёл в аппаратную.

Стас рассмеялся. Его, вообще, было легко развеселить, несмотря на груз обязанностей, и смурных мыслей.

Как бы означая финал передачи, на мониторах пошёл рекламный ролик.

Он был снят в манере старых немых комедий. Ведущий в костюме, напоминающем чаплиновского бродягу, ехал по улице на велосипедике и в потоке машин врезался в шикарный лимузин. Велосипед превратился в маленькую мятую жилетку, лимузин был невредим. Но оттуда вылез огромный детина с дубиной, нашёл на бампере невидимую царапину и стал гоняться за Бродягой вокруг машины. Тот ловко и гениально уворачивался, а детина всё время промахиваясь, раздолбал свою машину в клочья, сам рухнул без сил.

Тут ведущий-«Чаплин застыл в стоп-кадре и на экране появился титр: Программа «ЗВЕЗДА ЭКРАНА». Генеральный спонсор консорциума «КОЛИЗЕЙ». Телефон для размещения рекламы. ...

Бортнев поклонился на надписи «КОЛИЗЕЙ»

– Ну как тебе? – удовлетворённый, спросил Костя.

– Дай, досмотреть. Мешаешь, – задумчиво ответил Стас и тут же расхохотался. – Фантазёр.

– Не я – Чаплин. Мы лишь вторим Богам, – пафосно ответил Бортнев.

Во время их разговора на экране в убыстренном темпе продолжал идти сюжет.

Ведущий – Бродяга разогнул свой велик, как французскую булку и уехал на нём вдаль.

Костя и Стас вышли из зала.

– Как тебе удаётся выжать смех и слезу одновременно? – удивлялся Клёнов.

– «Публика получает особое удовольствие, когда с богачами случаются всякие неприятности. Это от того, что девять десятых зрителей бедны, и не питают к богачам никаких симпатий». Чарли Чаплин. Из книги – лекторским тоном продолжал Костя, «Над чем смеются зрители». А мне, вероятно, просто повезло, что я тоже небольшого роста. Ведь, симпатии толпы неизменно оказываются на стороне маленького обиженного человечка, – слезливым голосом проплакал Костя.

– Их можно понять, именно поэтому мы сами стремимся к богатству и радуемся чужому горю. Так? – спустив очки на кончик носа, поддел Клёнов собеседника.

– Почти. Что ж касается лично меня, то у меня более широкие потребности.

– Какие? Осчастливить человечество? Да, «Чаплин»? Ты – альтруист!

– Вроде того, Вообще центрист своего ЭГО, как и все мы. Мне не приходится бороться со своими вкусами. И мне это нравится.

– Стараюсь не отставать от вперёд смотрящих, – несколько умерив свой нерв, сказал Стас. – Но без помощи спонсоров не может существовать даже твой шедевр? У них тоже есть души и...

– ... они очень страдают, что им приходится расставаться со своими золотыми. Бог с ними, о своей бы душе не забыть в этом удивительном и прекрасном мире, которое называется – ... телевидение, – произнесли оба ведущих.

Пожав руки, они разбежались в противоположные стороны.

Я стояла за фермой и в наглуую записывала весь спор. Когда-нибудь их беседа станет бестселлером. Почувствовав, что в душном помещении сейчас грохнусь в обморок, пошла к балкону. Это был единственное место, где можно было негласно, но получить глоток воздуха.

Мне пришлось притормозить, потому что его уже оккупировали главные люди ТВ – продюсеры Протасов и Двинский.

– Посмотри, как они бьются друг об друга, не боясь сломать себе части тела, – смотря вниз, где у 17-го подъезда творилось столпотворение.

– Девицы разных мастей и внешностей готовы разбить стекло и убить охрану, лишь бы попасть в концертный зал Останкино, – пренебрежительным тоном протянул Протасов.

– «Они и живота своего» и чужого не пожалеют, – прокартавил Двинский. Он старался избегать предложения с буквой «Р»

Конкурс был закрытый, без зрителей. В зале сидела отборочная комиссия из трёх человек, да шныряли какие-то девушки-помощницы, парни из охраны бормотали в свои «воки-токи» по углам всего амфитеатра. Трое в зале были самые знаменитые, самые «продвинутые» продюсеры 90-х – Руслан – крепкий мужик лет сорока пяти, с золотым зубом, одетый с божемно-блатным шиком. Из-под красной рубахи у него виднелась жёлтая майка с неприличной английской надписью, на рубаху была надета зелёная шёлковая жилетка с вышитыми на ней цветами, а поверх её мягкий пиджак в красно-зелёную клетку. Хотя больше всего он напоминал клоуна, у которого из каждой части одежды будет выпрыгивать «игрушки» фокусника. Но каким-то образом ему всё это шло. Ансамбль венчала бейсболка с очень длинным козырьком. На бейсболке было написано по-английски: «Лучший отдых на Родосе», а к козырьку приделаны три разноцветных презерватива. Рядом с ним сидел Игорь Сергеевич, утончённый в свои пятьдесят два, в изящнейшем английском розовом пиджаке, джинсах и золотых очках и Магда Островская – красавица от сорока до пятидесяти, вся в коже.

Девочек было, наверно, сотни. Они стояли, прижавшись к стёклам, давя друг друга и цепляясь за турникеты, чтобы не упасть, и всё время, попискивая от ужаса. Ограждение качалось, и готово было упасть вместе с ними.

Продюсеры скучали. Иногда они подзывали ту или иную потную и испуганную девчурку и после недолгих разговоров отпускали. Среди них были худые, толстые, красивые, дурнушки, но у всех в глазах была неподдельная мольба.

– Глядя на эту провинциальную и не отмытую шоблу, хочется сделать музыкальный номер под названием: «Выбери меня», – оглядывая претенденток наглым взглядом, язвила Магда.

– И там должна звучать песня со словами: «останови на мне свой взгляд, и я сделаю тебя знаменитым, богатым и – если захочешь – счастливым». Что-то вроде этого – задумчиво рассуждал Игорь Сергеевич. И нужно ещё подтверждение в виде хора немых соискательниц, – заржал Руслан.

– Я же о творчестве, а ты всё о бабах и их прелестях, – обиделся Игорь Сергеевич.

– Где ты видишь женщин? – удивилась Магда. – Но нескольких я бы оставила. А вообще, у меня болит голова от их кряхтения, отсутствия слуха и готовности лечь под любого из нас.

Я слушала весь этот «тонкий» и «жантильный» разговор с балкона театра. Акустика в нём была прекрасная. Вдруг я увидела спиной, даже почувствовала, как шелхнулась штора.

Испугалась, что меня сейчас погонят. Когда обернулась, то увидела фигуру официантки Иры. Неужели разговор в кафе Бабушки, Двинского и Протасова зацепил её. Но здесь другая команда продюсеров, и манеры, и стиль, и требования другие. Ей, скорее всего, не светит ничего.

Официантка из элитного кафе Ирина Голубева в конкурсе не участвовала. У неё как раз был перерыв, и она, поддавшись уговорам Протасова, пошла, посмотреть на давку талантов. Глаза её, взрослые, и честно говоря, не очень добрые, следили за тем, как двигалась очередь, как выходили зарёванные конкурсантки. Становиться в очередь, она явно не хотела. На прощанье скользнула взглядом по забору с правилами конкурса: «... справка об окончании... три фотографии в полный рост, одна в купальном костюме».

– И одно без купального костюма. Потрясающая перспектива, – зло сказала себе Голубева.

Я смотрела на неё и думала о том, что ей, как мало кому, хочется быть не в хоре, а солисткой, но давать продюсеру не желательно. Но как обвести вокруг пальца, было написано на её бесцветной мордашке.

Лялька, ты, где бегаешь? – накинулась на меня Зяка. Там в режиссёрской комнате Садам и Гамора. Нужно их охладить. Беги в буфет за водой, чаем, кофе и побольше сладкого. Может, угомонятся. – Зяка кинулась назад в режиссёрскую обитель.

Что могло так разбередить сердца прожжённых спецов и профессионалов?

Вслед за мной дверь в «режиссёрской» распахнулась, и в неё стремительно вошёл Ведущий – Константин Бортнев.

Прочитал в ответ – «Я имею несчастье быть человеком публичным, и знаете, это хуже, чем быть публичной женщиной». – Пушкин, – продекламировал Бортнев.

– «Восстал он против мнений света, и вот назначен аудит...» – продолжил Ваня. – Тут руководство программой скреблось и умоляло посетить.

– Маковская звонила, ей надо снять тебя в Каннах, – прочитала Зяка в своём блокноте.

– Но я ж в Москве, мне некогда туда, – пожал плечами Бортнев.

– Да она тебя здесь и снимет, она всех снимает здесь, кадку с бамбуком ставит сзади. И ещё тебе отец звонил, – Зяка сняла с шеи Костин мобильник и вручила ему.

– Что он сказал?

– Ничего не сказал, просто звонил и спрашивал тебя, – недовольно проворчала Зяка.

– Пойду, пройду, есть идея. Буду её думать, – растянул пальцами в разные стороны губы, высунул язык, и с клоунским поклоном удалился Костя.

– Идиот, ему грустно, а он изображает бурное веселье, – сама засмеялась и с восхищением посмотрела ведущему в спину Зяка.

Я двинулась за Бортневым, будто он меня загипнотизировал.

– А если бы она не знала? Нет, не сказала другую фразу, тут ещё есть ходы, я понимаю, а просто и тупо ляпнула: не-зна-ю!! Что тогда? – горячился продюсер программы Сёма Двинский.

В разговоре участвовало трое – Ведущий программы Константин Бортнев и два продюсера: Вадим Протасов и Семён Двинский. Слово для остроты рекламного имиджа продюсеры внешне были полная противоположность.

Протасов, красивый седой мужчина с манерами, пиджаками и сигарами бывшего международного и лохматый, бородатый, кудлатый и довольно старый Сёма, вечно шумный и неряшливый. Протасов долгие годы был чиновником от «культуры», а Двинский практикующий, очень успешный администратор. За что и сел на пару лет – левые концерты была его коронка, но это первая, а вторая – ненасытность денежными средствами.

– Но она знала, – спокойно отвечал Бортнев, покуривая «Казбек» – одна из фирменных примочек.

– Я же тебя просил, не в прямую, но хоть намёком – проверь, подготовь! Если бы не дай бог...! – куда бы я дел ЗИМ? Один ремонт полтора лимона, – подняв руки к потолку, сокрушался Двинский. Он будто благодарил Бога за то, что на этот раз пронесло.

– Не бойся, Сёма, мы переделали его в другой автомобиль, – улыбнулся Костя.

– Что ты хочешь сказать? Что ты, всё-таки... нет, не верю! Таких артистов не бывает, – вспотев окончательно, возмутился Двинский.

– Вот именно! А предупрежденная, она хлопотала бы мордой, изображая мыслительный процесс! Моя работа приводит к победе людей, которых мы наметили. А твоя – ЗИМы доставать, – Костя вдавил папиросу в пепельницу и с большим удовольствием смотрел на реакцию продюсера.

– Рисковать такими средствами, – тихо, но решительно сказал Сёма. – Это... плебейство.

– Плебейство – трястись над каждой копейкой имея сто миллионов зрителей. И, вообще, кончай каждый праздник принимать за погром. Все пять лет этот местечковый мандраж.

– Можно подумать, что сам дворянских кровей, – было видно, как нешуточная обида провалилась в самую глубину тёмных Сёминых глаз. Чтобы не выдать себя он даже на секунду отвернулся.

– Нельзя быть одновременно и блядью, и гимназисткой. У стены Плача ты стоял бы с женской стороны и рыдал бы о тридцати серебряниках. Я на мужской части просил бы Бога о том, чтоб не обделял меня талантом. Между евреем и жидом большая разница, – Костя уже взялся за ручку двери, но услышал...

– Жид – по-польски еврей, – вытирая потные ладони, кипятился Сёма.

– Но не все евреи жида, – запиши это себе на сто долларовой купюре, ребё.

– Ну, в самом деле, – Константин Дмитриевич, – добродушно вмешался Протасов, – нельзя ли, поелику возможно – какой-то разумный компромисс? Пять лет назад, помнится, вашим игрокам грезились бабушкины патефоны, папин габардин... ну ещё одна девочка кринолин хотела... как у Золушки. А теперь я гляжу, возросли запросы-то! Или это вы их так раскачегарили?

– Вадим Андреевич, – ну у вас-то, как у ветерана органов международной журналистики должны быть не только чистые руки, но ещё и горячее сердце! Недаром ещё Феликс Эдмундовичу доверили когда-то заботу о беспризорных...

Возникла неловкая долгая пауза. Стало слышно, как незримо журчит в кабинете кондиционер.

– И горжусь этим. Видишь, Сёма, – нервно ломая пальцы, произнёс бывший сопровождающий артистов на гастроли, Протасов, – в синем углу – гордость кампании, наш BlocBuster, crazy horse нашей упряжки, а в красном – две отставные телевизионные крысы. Неравный бой.

– Вы никогда не договоритесь, – войдя неторопливо в комнату и посасывая вечный мундштук, заявила Бабушка. Даже в прежние Советские времена между теми, кто давал распоряжения и деньги на программы и теми, кто их воплощал, была стена. Только выигрывали всегда дающие разрешения.

– Сейчас не так? – удивился Костя.

– Ну да, тебя заставишь делать, то, что ты не пожелаешь, барин, – прокартавил Двинский.

– Меня нет. А остальных?.. – Бортнев поцеловал Бабушке Кёрн ручку, и выпорхнул их налитой потом и раздором комнаты.

Костя направился в кафе, где сейчас, поидеи, никого не должно быть. Во всех студиях шли записи разных программ.

По дороге ему встретилась группа «Взор».

– Вы как три мушкетёра всегда вместе, – радовался Бортнев встречи. – А что это вы катите. Какой большой барабан. Дайте постучать, – жалостно попросил Костя, как ребёнок,

увидевший редкую игрушку. – Сбегутся сразу из всех студий. Клёво будет. Шум, гам, ссора, наказание – здорово, – ликовал знаменитый телеведущий. – Кстати, а зачем сиё приобретение?

– Видишь ли, дружок, – ласково начал Вася Гурвинек. Мы решили тоже запустить игру. Не всё ж тебе баловаться.

– И в чём суть? – напрягся Бортнев.

– Твоя же игра для элиты, а народ тоже любит угадывать, конечно, ни кто такой Юл Бриннер, а просто буквы и получается слово. Ну, мы ещё не всё продумали, но верю, что получится, – напрягаясь, рассказывал Стас.

Костя помолчал некоторое время, покрутил барабан, и счастливо выпалил – Лицензионная игрушка, да. Я что-то такое видел. Здорово.

– И что? Если хорошо придумано, но у насбудетабсолютно своя версия, – сверкая очами, парировал Стас. – Может, поможешь? Ты же знаешь много интересных слов, – продолжал заводиться Клёнов.

– Тогда возьмите первое слово – мениппея. Сразу все отгадают.

– Шутишь? – пытался погасить назревающий скандал спокойный Лёва.

– Это стиль, в котором написана любимая всеми нами книга «Три мушкетёра». Что это значит посмотрите сами в словаре. Собираетесь заигрывать с народом, – играя желваками, сказал Бортнев.

– А ты что делаешь? – похрустывая костяшками пальцев, спросил Стас.

– Я их просвещаю. Иллюзия – выше реальности, – торжествуя, выступил Костя и пошёл прочь. Вдруг он повернулся и, подмигнув, послал воздушный поцелуй – Люблю вас, месье!

«A la gear comme a la geare».

Я, как собачка, побежала за Бортневым, а вдруг ему захочется чего-нибудь, а я смогу принести, подать, ответить. Но Костя не видел никого. Он даже не сразу заметил, что за одним из столиков веселилась компания продюсеров. Застолом кроме Магды Игоря Сергеевича сидели какие-то девицы, красивый молодой человек. С краю тоже сидел паренёк приятного вида, веснушчатый, в очках. Слушал он разговоры с каким-то напряжением, но когда смеялись, хохотал громче всех. Охрана обедала по-соседству. За главным столом было весело, там уже здорово подали.

– Целый рабочий день, – говорил Игорь Сергеевич с рюмкой в руке, аристократически держа сигару, недовольно заявил, – можно сказать, не покладая рук принимал всесоюзный парад каракатиц.

– Неужели все? – хихикая, спрашивали девицы.

– Абсолютно. В духовном отношении 100 % каракатиц, а в физическом – 96, – растягивая с удовольствием слова И.С.

– Хватит, – незло, но жестковато, – сказал Руслан, – бабы всё-таки.

– Да, – согласился И.С. – Простые русские бабы. Каждая простая русская баба в этой стране сегодня хочет стать звездой. И что самое-е-е смешное – она абсолютно права-а-а. – Девочка, – подозвало официантку. – Ещё один «Курант» и таргале-е-еточек побольше-е.

Ирина безумным взглядом посмотрела на Игоря Сергеевича, отвернулась и засмеялась. Голубева вернулась на кухню. Буфетчица, выдавая ей водку, взглянула на компанию и сказала Ирине, что вроде она знает её клиентов:

– Депутаты, что ли?

– Ну что ты, – едко сказала официантка. – Это люди искусства...

– Профессура ходит в консЭрваторию, – рассуждал И.С., когда Ирина, вернувшись, стала разливать водку в рюмки. Делала она это специально медленно, чтобы послушать «интеллектуальную беседу». – Кандидаты наук в «Современник». А к нам ходит быдло.

Руслан недовольно хмыкнул.

– А я кто? – спросил он. – А ты? Князь Болконский?

– И ты быдло, – согласился И.С. – И в некотором смысле-е-е я. Но мы Ермолаи Лопахины, отщепенцы своего класса. А они... ну, хорошо, не быдло. Плебс, гегемон, аграрии-и-и, тебя устроит?

– Слушаю вас и думаю, не дать ли вам в морду, уважае-е-емый Игорь Сергеевич, – Костя положил кулаки в карманы брюк и покачиваясь на каблуках, навис над И.С. – Какого х... ты морда изображаешь из себя большого знатока искусства? Ты не более чем половой в трактире, а не князь Болконский, и даже не Лопахин. Вокруг тебя дамы, тебе подаёт рюмочку, шваин розовый, молодая девушка. Ты кого хочешь поразить своим интеллектом, которого нет? – Бортнев произнёс монолог, и еле сдерживая себя, повернулся к Голубевой, попросил отнести его еду на балкон.

– Они одноклеточные, но от них зависит здесь всё. Жаль, что вам пришлось всё это слышать, но ещё обиднее, если вам предложат интересную работу, не официантки. Вам придётся встречаться с ними ежедневно.

– Я не собираюсь делать карьеру звезды шоу-бизнеса, – потупив взор, произнесла Ирина.

– Ну да, оно и видно. Спасибо. До свидания. Ещё одна заложница, – пробормотал Бортнев и пошёл мириться со «Взорвцами».

– ... и видеть себя они хотят на сцене, – как ни в чём не бывало, продолжал И.С.

– Наша Звезда экрана, по-моему, решил, что он герой вестерна, этакий ковбой, защитник бедных и сирых. Нужно поговорить с Протасовым или Двинским. Пусть придержат его коня, – выплёскивая вино из бокала вместе с гневом, с перекошенным лицом заявила Магда.

– Не обращай внимания. Таких, как Бортнев было много. Где они? А мы здесь веселимся, – сильно захмелевший, продолжал свою тираду И.С. – Так вот – чуть выше, чуть чище, поумнее, но видеть хотят в лучах славы только себя. Твоё мнение Руслан мне известно. Так и быть открою страшный се-е-екрет. Для чего этот идиотский конкурс? Мы хотим сделать новую супер зве – е – ездку. Старых кошёлков девать некуда. Не ещё одну – а первый номе-ер.

– Ты способен говорить нормально, не бляя, – раздражённо проблеяла Магда.

– Потому что они все на «е», – сказал и радостно захохотал своей «шутке» И.С.

– Прекрати, уже воротит от твоих тонких намёков. Конкретно, что ты имеешь в виду? – нервно то, вставая, то садясь за стол, спросил Руслан.

– Поясняю. Создать номер один, казалось бы, фантастическая задача, НО на самом деле, из каждой, прости меня Господи, из бурёнки, которая сегодня прослушивалась, ну почти можно сотворить шЭдЭвр, – вдруг став абсолютно трезвым, жёстко подытожил Игорь Сергеевич.

А они, пожалуй, правы. Странные времена, странные нравы. Генетика утрачена, культуру растоптали. Из кого-то же нужно делать новое искусство.

Костя не стал задерживаться у стола продюсеров, ему и своих проблем хватает. Он был уверен, что «страшный» секрет, который сейчас поведаёт И.С. сегодня же, станет достоянием Республики, то есть всего Останкино.

– Неужели из каждой? – томно спросил молодой человек, прижимаясь и теребя розовый пиджак И.С. – А талант?

– Талант? – знаешь, какой ей нужен талант?..

– Лыжи держать, – неожиданно сказал Руслан, тут он был согласен. Знаешь, как с трамплина прыгают? С трамплина можно и козу дохлую бросить, и она тоже полетит. Но, понимаешь, Венечка, недалеко, – послал поцелуй Руслан. – А надо как? Взлетел и держи, сука лыжи, чтоб не разошлись. Или рожей в сугроб.

– Вот, – прожевал тарталетку И.С., – а я смотрю нынче – и хорошенькие ведь были и с голосом – но ви – и-идно! Год – и скурвится. Или зальёт, или на иглу, или в подоле принесёт от ближайшего бас-гитариста. И плакали все-е труды... Кстати, – повернулся к Руслану – насчёт держать лыжи – чудная метафора. Ты это сам?

– А голос? – продолжала удивляться одна девица. – Голос ведь нужен?

– Слух нужен, – снисходительно сказала Магда. – Чтоб в фонограмму попадать. При современной технике, да ещё если живьём не работать... Ну, вот, ты, как тебя... Оксана! Хочешь быть звездой?

– Я? – захихикала девушка.

– Нет? Зря. А ты? – цапнул И.С. официантку заруку. – Тоженет? Паразите-е-ельно! То все, то никто!

– Ой, барин, – вдруг сказала Ирина, сделав доброе и глупое лицо, и ещё окая. – Откуда ж мне знать? Вы городские...

Магда внимательно посмотрела на девушку.

– О! – не въехал И.С. – Пейзанка! Вот спорим, – обернулся он к красивому молодому человеку, – спорим на тысячу долларов, что даже из неё можно сделать певицу. Хотя с тебя ещё получи...

– Ты откуда будешь? – с насмешкой, заинтересованно спросила Магда.

– А с Костромы, – лучезарно отозвалась Ирина. – Колхоз «Бездорожье», може слышали? Нас, бездороженских по области певуньями кличут. Мы и грамоту на ГОРОСКОМ конкурсе...

– Ладно, – сказал Руслан, хорош горбатого лепить. Видишь, дедушка пьяный, зачем обижаешь?

Ирина усмехнулась.

– А ну сядь. На конкурсе была?

– Не-ет, – замотала головой Голубева. – Это ещё зачем?

– А что так? – донимала девушку Островская.

– А каракатицы мы, – сказала Ирина тихо. И опять заокала. Смотреть непОтребно...

– Петь-то мОгешь? – Руслану тоже понравилась эта игра.

– Не знаю, – Ира пожала плечами. – Вокал – пять балов. Танец – тоже. Гнесинское училище, может, слышали?

– Не скудеет талантами русская земля, – обрадовался И.С. – Деточка, ты нам посчитай, пора уже...

– Алё, – жёстко процедил Руслан. – Кто сейчас на штуку мазал? Прилюдно!

И.С. посмотрел на него умоляюще.

– Бери, – указал на Иру пальцем, – как поёт, не знаю, но лыжи держит. Вижу...

Я записала всю беседу. Мне показалось можно дать послушать разговор Бортневу. Он ведь отгадал. Надеюсь, ему будет интересно.

Пока я нашла Костю, пришлось обежать почти всё Останкино. Он как-то грустно притулился на подоконнике и цедил свою папироску.

– Костя, я записала всю беседу продюсеров с официанткой. Хотите послушать? Вы...

– Извини, Ляля, не хо-очу. Ни видеть, ни слышать их всех не желаю. Извини.

– Неважно, всё равно пригодится. Вы чем-то расстроены?

– Пойду к ребятам во «Взор». Там так шумно, кажется, там веселее. Пойду, подзаправлюсь оптимизмом.

Я постояла минуту и помчалась за Бортневым. Мне тоже хотелось радости, особенно после мерзкого привкуса, оставшегося от разговора продюсеров в кафе.

Стас лежал на кушетки, а вокруг суетилась вся группа...

– Что такое? Теперь господин ведущий будет вести программу лёжа. Новый подход, – пытался шутить Бортнев, но постепенно улыбка с его лица сползала.

– Он...

– Да вижу, – тихо сказал Бортнев. – Что вы обычно делаете в таких случаях?

– Есть один способ – голову под холодную воду и крепкий кофе, – печально ответил Лёва.

– Несите кувшины с ледяной водой и достаньте снег, – командовал Костя.

А почему не отвести его в туалет? – вяло спросил Гурвинек.

– Чтобы всё телевидение через полчаса говорило о пьянице Клёнове и отстранили его от эфира. Двери закройте.

– Чем ещё помочь? – суетились ассистентки, принесшие воду и снег.

– Теперь отвалите все. Оставьте нас. Только клеёнку подстелите какую-нибудь и приготовьте сухую одежду.

Вся группа столпилась у двери, но Бортнев так гаркнул на них, что всех смело за секунду.

– Ляля, ты останься. Поможешь.

Бортнев снял смокинг и бабочку и долго лил на Стаса ледяную воду, а я растирала лицо снегом. Минут через пятнадцать Стас начал приходить в себя, отмахиваясь от нас и пытаясь принять сидячее положение.

– Ляля, кофе очень крепкий, – Костя был бледный и напряжённый.

– Оставьте меня, – кричал Стас.

– «Тёпленькая», не пойдёт. Терпи, алкаш. Чего тебя так развезло? Ляля, сухую одежду найди и разотри его.

Я готова была даже прыгнуть из окна, лишь бы быть рядом с Костей.

– Сегодня годовщина смерти моего сына. Алёнка пьёт. Я тоже. Ты же знаешь, русский человек горе заливает водкой.

– Стас, ты ведущий лучшей программы на ТВ. Ты пример для многих. Ты открыл это новое видение. Ты не имеешь права. Знаешь, мой отец говорил: «Больно тебе, страшно, тяжело, беспросветно – терпи. Никто не должен этого видеть и чувствовать, что ты уязвим.

– Твой отец кто был, потомственный ученый – человек высокой культуры, а мой – пьяница и мать пьяница. Нам ваши высокие чувства не понять!!!

– Брось ёрничать. Ты всё можешь, умеешь и способен держать себя в руках. Иначе ты сам будешь себя презирать.

– Я уже презирал себя, когда вёл пропагандистские программы на радио. Тошнило. Мы врали в каждом слове. Тогда начал попивать.

– Сейчас ты имеешь возможность формировать новое мнение целой страны. Тебя любят, уважают и прислушиваются. Не дай им себя убить. Всё, встал и пошёл работать, – Костя рванул Стаса с дивана и закричал – все заходите. Мы закончили водные процедуры. Нам легко и тепло. Стас командуй.

Костя быстро покинул студию «Взора».

– Там всё в порядке? – трусовато спросил Лёва.

– А что-то случилось? Текст учите, двоечники, – Костя поцеловал каждого в макушку и вошёл в продюсерскую.

– Алло, Константин здравствуйте, это Элла Маковская. Я давно добиваюсь с вами интервью, но вы всё время заняты или просто не желаете со мной общаться.

Бортнев включил телефон на громкую связь, так, что все, кто находился в продюсерской, имели возможность слышать разговор. По ходу того, как Маковская настойчиво уговаривала Ведущего, Костя строил всякие рожицы, раскланивался в сторону телефона, пританцовывал и одновременно снимал смокинг. Присутствующие в комнате умирали от смеха, стараясь делать это тихо в ладонь или отворачиваясь в сторону, но, тем не менее, подсматривая за Костиной игрой.

– Я счастлив, слышать вас, Элла, но есть одна проблема – я в Москве, у меня запись за записью, и я очень сосредоточен. Трудно перестроится так быстро.

Бортнев нагло лгал. Он был способен перейти от одной темы к другой с такой же лёгкостью, как прима-балерина сделать тридцать два фуэте.

– И, тем не менее, я прошу уделить мне немного времени, – резко поменяла тон Маковского с требовательного и самоуверенного на просительно-умилительный.

– Не могу отказать такой «нежной» женщине, – продолжал изгаляться Костя.

Все знали, что журналистка Элла Маковская жестокая, лживая и безжалостная дама. Но Бортнев был не тот противник, которого ей было легко победить. Костя отомстит ей за всех, кого она опорочила, пригвоздила и отшлёпала, как жестокая воспитательница в детском саду. Она не любила и не жалела никого из тех, кто был с ней откровенен и честен. Маковская каким-то образом переворачивала все беседы так, что люди, с которыми Элла общалась, превращались либо в монстров, либо в бездарностей, незаслуженно вознесенных на Олимп. Знали и то, что она делает проплаченные материалы. Но Бортнев не та фигура, которую можно как короля легко превратить в пешку.

– Тогда когда же вы изволите уделить мне внимание? – пыталась иронизировать журналистка.

– Насколько я знаю, вы хотите создать атмосферу Каннского фестиваля. И на пляже, почти в неглиже я буду размышлять о высоком искусстве. Замечательно. Тогда приезжайте в Останкино. В наших павильонах, да и у бутафоров и костюмеров мы сможем подобрать интерьер и костюм для солнечного летнего дня. С морем сложнее, но шумовики помогут, создадут звук. Так вас устроит, милая? Ваши статьи, как и декорации и есть фантазия на любую тему, о любом человеке. Вам же всё равно, какой объект перед вами. У вас в голове своё кино. – Костя курил и пил кофе, при этом громко прихлебывая и шумно выпуская дым.

Чувствовалось, что Маковская на том конце телефонных волн готова была уже сгрызть подушку, но держалась из последних сил.

Я представила себе, как она будет готовиться к этому эпохальному интервью.

На следующий день в Зимнем саду, созданном для начальства, но для такого случая охотно предоставленного для Маковской, которое начальство побаивалось, было декорировано под Лазурный берег.

Все, кто был свободен от работы, собрался за одной из стеклянных стен, чтобы хотя бы посмотреть на удивительное зрелище.

Костя в шлёпанцах, панаме и с полотенцем через плечо, давал интервью знаменитой скандальной журналистке Маковской. Они сидели в зимнем саду среди тропических растений на элегантной бамбуковой лавочке.

Я всё ж нашла место, откуда было и видно и слышно их общение. Над стеклянной стеной была очень маленькая полочка. На неё я и забралась. Через пару минут рядом самой я увидела Голубеву, которая как эквилибрист добралась до меня.

– Мы провалимся, – прошептала я.

– Вряд ли. Но так будет даже смешнее, – «успокоила» меня Ирина.

– А теперь ещё одно письмо. Не уверена, что оно вам понравится, – съязвила Маковская и достала листок.

– Вот, – она показала в телекамеру листок с детским круглым почерком и прищипленная скрепкой фотографией девочки лет десяти. Его прислала нам Алёна Кундилова из Нальчика.

«Нелегко в одиннадцать лет писать такому взрослому человеку, и всё-таки: я вас ненавижу. Вы заменили надежду фальшивой иллюзией, а милосердие превратили в свой жадный и грязный бизнес...»

– Это писала девочка десяти лет? Какой слог, – восторгался Бортнев.

– Адрес есть в редакции, – тут же парировала журналистка.

– Я не сомневаюсь, – Костя посмотрел в камеру и сказал: – Иллюзия выше реальности. Когда-нибудь Алёна, ты это поймёшь. Милосердие – это религия, но церковь – это уже бизнес. Попробуйте их разлучить, – Бортнев встал, вытер лицо полотенцем, сбросил шлёпанцы и панаму. – Больше Элла, ко мне не подходи. Я тебя видеть не хочу. В этот раз ты плохо написала. Ребёнка приплела, ты б ещё грудничка достала, который помнит, что было в утробе матери. Где взяла девочку с таким «изящным русским языком» или для достижения цели все средства

хороши. Только никак не пойму, какова твоя цель. Уважать тебя всё равно никто даже не пытается, – сказал он невозмутимой, но бледной Маковской и пошёл сквозь, толпу официантов, техников и зевак, окружавших съёмку.

Мы с Голубевой, с трудом балансируя по узкой площадке, скатились вниз и посмотрели друг на друга.

– Потрясный мужик. Такой бы характер и всех можно сделать, – восторженно качая головой, задумчиво сказала Ира.

– Я просто хожу за ним, будто он меня привязал. Бортнев, но ещё Клёнов два супермена нашего телевидения. Благодаря им всё изменится. Хотя дерьма на ТВ тоже навалом. Но со временем, они всё перевернут, – сказала я с гордостью, что знакома с такими людьми и пошла за Ирой в буфет.

– Ой, я забыла, что мне нужно зайти в рекламное агентство, – извиняющимся тоном проговорила Голубева.

– В «Щелкопер» что ли? – удивилась я. – Что тебя может связывать с этой троицей.

– Меня очень попросили, – напряглась Ирина.

– Можно я пойду с тобой. Любопытно, зачем тебя позвали. Эти просто так не приглашают. А мне нужно учиться и рекламному бизнесу тоже. Я хочу знать всё о ТВ.

– А как же Бортнев. Ты же от него не отходишь, – язвила Ирина.

– Ну, возьми меня с собой, – ныла я.

Голубева мотнула головой в знак согласия.

Ирина постучала в дверь, на которой было написано: «Вадик, Дима, Митя».

Внутри среди разнообразного занятого хлама сидел Игорь Сергеевич. Рядом с ним сидел красивый мальчик, который всё время хихикал и заглядывал И.С. в глаза, словно спрашивал, правильно ли он себя ведёт. На него никто не обращал внимания. В углу за компьютером отхлёбывал пиво интеллигентный Дима. Вадик готовил кофе. Митя расхаживал по комнате, напевая какую-то мелодию.

– Вызвал я тебя, чтобы сообщить, что ты у нас будешь горькая подзаборная сирота, не обращающая на меня внимания, изрёк И.С.

– Ого, – сказала Ирина.

– Не бойся, всё продумано, – И.С. взял её за руку.

– Подброшенная однажды, – возвысил голос Митя. Молодой человек был здоровый, толстый, бородатый, похожий на приходского попа... – к дверям дома младенца, – продолжил размышлять Митя. Росла ты, сладкая моя, не зная материнского тепла и отцовской ласки, в добрых руках детского дома № 6, что в городе Фастове украшает собой улицу Первых космонавтов, дом № 3, против Камвольного комбината.

– Как-то уж очень конкретно. Не погорим, – задымив всю комнату очередной любимой сигарой, засомневался продюсер.

– Игорь Сергеевич! – торжественно сказал Митя, – вы имеете дело с интеллигентными людьми. Директор детдома № 6, Роза Борисовна Эпельбаум, истинная стахановка приютского дела. За видеодвойку для красного уголка и контейнер детского питания подтвердит, что у неё на руках вырос не зная роду и племени хоть... хоть Принц Чарльз! Хоть Никита Михалков!

Пока Митя придумывал дальше, я размышляла о том, что попала в сумасшедший дом. Хотя на самом деле, что такое телевидение, чего я ждала. Это мир безумных идей и событий, которым потом пичкают народ. Нужно поговорить на эту тему с Бортневым.

– ... так: детство было нелёгким. Порой ребята из старшей группы отбирали у младших компот и апельсины, выданные к 7 ноября, и тогда ты тихо плакала под одеялом, пряча под подушкой туристический фонарик, подарок шефов, и любимую книгу – повесть Максима Горького «В людях».

Ирина, которая слушая Митю, не двигалась, не издавала ни единого звука, словно медитировала, вдруг поморщилась.

– Что, милая? Грубо? Но ведь проходит! И ещё как проходит! Да и найдётся ли на этой земле сердце способное усомниться словам сироты?

– Да не, – вяло сказала Ирина. – Книгу можно поменять?

Я постоянно наблюдала за реакцией Голубевой. Неужели ей весь этот надуманный бред нравится?

Лицо испытуемой, вообще, ничего не выражало. Она словно витала в облаках. Но Митя был в восторге от своей фантазии и продолжил...

Минуту...! и пряча под подушкой любимую книгу – роман Гюстава Мало – «Без семьи. Были, впрочем, и светлые дни. Как-то собирали вы дружно металлолом на территории Камвольного комбината, – продолжал бредить, на мой взгляд, Митя. – За сараем, где хранилась готовая продукция, мальчик Серёжа несмело поцеловал тебя и прочёл стихи Есенина.

Ирина внезапно засмеялась, чем явно удивила «великого придумщика» Митю.

– Тебя что-то не устраивает? – удивился Митя. – По-моему, всё гениально.

– Надсона, – поправила Ирина, не объясняя причину своего смеха. Да, собственно, никому из присутствующих, кроме меня, её реакция была неважна.

– ... Надсона. Но, однажды, романтика больших дорог поманила тебя. Сбежав из-под ласковой опеки Розы Эпельбаум, ты направилась в Москву. Сердобольная проводница приютила тебя, кстати, Пелагея Тихоновна до сих пор работает на дальних рейсах. Если надо всё подтвердит. Ты доехала до столицы, но с первых минут попала в компанию вокзальных карманников. Руководил вами вор по прозвищу Сиплый.

– Это уже-е-е «Оливе-ер Твист». – На штампах работаете, ребятки. – пристыдил рекламщиков И.С – Предлагаю сделать перерыв. Ирина должна переварить этот бесконечный роман.

Митя обиделся, но сказал, что обязательно закончит то, что придумал для «сиротки» Голубевой.

Мы с Ирой вышли из комнаты.

– Тебя устраивает эта туфта? – спросила я удивлённо.

– Посмотрим, но надо переварить то, что они придумали, – со странной усмешкой посмотрела девушка куда-то вдаль.

– Что ты собираешься делать? – не унималась я.

– Скоро узнаешь. Пока это секрет. Пойду думать, – Ирина улыбнулась и пошла, читая какие-то стихи.

Мне была противна вся эта «бурная фантазия» Мити. Я не очень понимала, зачем Голубевой нырять в этот омут. Что-то тут не то, но что? Устав думать о «горькой судьбе» будущей звезды, я направилась искать Бортнева, но наткнулась на Клёнова, который давал интервью милой молодой взволнованной девушке.

– Скажите, Стас, как возникла идея создания «Взора»?

– Не стану рассказывать с самого начала. Я уже много раз говорил, что «Взор» был альтернативной молодёжной передачей. Сверху прилетела идея делать молодёжную информационно-развлекательную программу. Чтобы она в каком-то смысле отвлекала молодёжь от прослушивания зарубежных радиостанций. Начальство вытащило старую сценарную заявку, предложили мне попробовать ещё раз. Я согласился. Это была одна из первых программ, сделанная прямым эфиром из студии, были включены музыкальные клипы. Это была единственная возможность увидеть многих исполнителей, популярных в тот момент на Западе. Мы чувствовали себя молодыми улыбчивыми суперменами, такими «рыцарями правды» и борцами за новое телевидение. Смысл новизны заключался в независимости суждений. Кроме того, появился особый динамичный ритм, в котором мы чувствуем себя естественными. В этом, как мне кажется, и есть обаяние нового времени. За полтора часа в программе успевают погово-

рять обо всём – и ни о чём всерьёз. Но воспринимают её всерьёз. Как знак нового сознания. Как образ мысли поколения. Отображает ли она нужды общества? Бесспорно. Она даёт иллюзию прикосновения к предметам доселе табуированным, охотно и задиристо разоблачает то, что было под запретом.

– А вы не боитесь, что за эти новые суждения вас могут побить или даже убить. Вы не носите оружия с собой?

– Нет. Я не ношу даже газового баллона. Если захотят убить, то ничто не поможет. Убийца – он всегда готовый и с прекрасной реакцией, гораздо лучше, чем у меня. Наверное, с оружием, ощущаешь себя спокойней, но я ж не стану устраивать ковбойские «игры». Да и вообще, кому я нужен?

– Хорошо, что вы так уверены в себе. Какие ваши ближайшие планы, идеи?

– Дайте осуществить то, что уже придумано. Мы приглашаем в гости интересных неординарных людей. Мы стараемся, чтобы передача не была тяжеловесной. Чтобы она была понятна всем и интеллектуалу и простому человеку. А теперь извините, меня ждёт удав. – Стас засмеялся и побежал в студию.

Я пошла в курилку и попробовала оценить то, что я наблюдаю на ТВ – месте, куда я стремилась ни один год. Передо мной предстала мозаика разных и совершенно несовместимых вещей и событий. С одной стороны новое телевидение, новый взгляд на мир. Появилась элитарная игра, которая поднимает людей на совершенно иной высокий уровень. С другой стороны жуткая придуманная бездарная блажь – создать Звезду, создавая дурацкую надуманную историю жизни, которой никогда не жила Голубева. Зачем? Кроме того бегают огромное количество новых редакторов на длинных ногах, которые не очень правильно говорят и пишут на родном языке, пишут пустые репортажи. Но есть и блестящие журналисты, которые с трудом пробиваются в эфир. После каждого они ждут, что их программу закроют. А ещё – старики, как их называют. Некоторые из старой гвардии ушли сами, не дожидаясь пока их «вежливо» попросят. Другие остались и приспособились к новой жизни, но их было немного. Некоторые заглядывали молодым и рьяным в глаза с вопросом: «Может, чем помочь»? Умный молодяк с удовольствием пользовался знаниями накопленными редакторами и ведущими за долгие годы работы на советском телевидении. Многие, барахтаясь в воде, делали вид, что сами знают, что и как надо делать. В принципе новое телевидение больше напоминало табор, где в каждом шатре были свои правила, свой барон, и они никого не пускали в свои тайные дела.

ТВ отражало то, что происходило на улице. Битвы за власть с кровавыми исходами, смена сильных мира сего. Притом, всё это было грязно, страшно и цинично. Люди ходили по улицам как-то тихо, грустно, ожидая перемен и надеясь на лучшее, а наши эфиры через стекло Останкино сообщали «радостные» новости, высоко поднимая победный флаг. Это было время разбойников, воров и глупцов. Но наше новое телевидение надеялось на то, что сможет изменить отношение людей к жизни, саму эту жизнь, и бой Кремлёвских Курантов будет отбивать другое время.

В то время я не очень еще разбиралась во всех сложных перипетиях, происходящих на новом ТВ. Видимо, мне нужно глубже нырять в процесс осознания происходящего вокруг. Я увидела, что Бортнев пошёл в студию. Видимо, начинается запись программы «Звезда экрана». Естественно я быстро побежала пока не закрыли двери, и не появилась надпись «Тихо, идет запись». Вот, по-моему, единственный человек, который мудро не пытался участвовать ни в политических, ни в служебных представлениях. У него была своя отдельная жизнь и ИГРА, в которой он всегда был главным подарком и престижитатором. Но он не манипулировал людьми в отличие от других ведущих, а действительно показывал искусные фокусы феерических знаний, понимания природы человеческих чувств и тайных желаний.

В студии, на записи пилота новой программы Бортнев сидел среди десятка родственников и знакомых, приглашённых в качестве публики. На сцене стоял проповедник. Одет он был

необычно – чёрный пиджак, свитер с белой стоечкой протестантского священника, а на голове иудейская кипа, в руках – чётки. За его спиной стояла ударная установка, колонки, динамики и синтезатор.

– И может, однажды, – вещал священник громко и возвышенно, – мы обретём понимание, что слова Спасителя, «нести не эллина, ни иудея», ни догмат новой веры, но отмена всех конфессий, всех границ меж людьми, каковые есть лишь сатанинские ухищрения и ничего больше. И это и есть подлинная вера, что лишь в ней и Бог един, и люди – равны.

За спиной священника появился ВИА, именно вокально-инструментальный ансамбль, этак года 1972 –го, жабо, манжеты, волосы той моды и запел. Причём, проповедник, взяв гитару, присоединился к остальной группе:

Средь картин и гардин
Доживёшь до седин –
Или наг и нищ,
Не скопивши тыщ,
И пусть мощна пуста,
Зато душа – чиста,
И не три перста
И не два перста
Ибо Он всё равно – один!

Тут на первый план вышли дети – мальчик и девочка. Ансамбль, бросив инструменты, воздел руки и стал отхлопывать ритм ладошками, а дети в ритме речитативом:

Нет, не два пер-ста!
И не три пер-ста!
Пусть мош-на-пус-та!
Зато ду-ша чис-та!
Ты се-бе гос-по-дин!
И-бо пон-нял, что Он О-дин!

В зале все, кроме Бортнева, поднялись и тоже хлопали в такт.

У Бортнева зазвонил мобильный телефон, он, посмотрев определитель, поднёс телефон к уху.

– Ало, да пап, я не слышал. Что у тебя? – тихо спросил Костя. – Да заеду обязательно. А что врачи говорят? Ладно.

Он поднялся и вышел, решительно раздвигая хлопавших счастливых людей, которые продолжали скандировать:

Пусть мош-на пус-та!
Зато ду-ша чис-та!

На телевизионной лестнице, в клубах дыма, как на светском рауте все проходящие чинно раскланивались. Туда же прибежал взмыленный проповедник:

– Ну, – спросил, он нервно закуривая.

– Эфир дают? – спросил Костя, со знанием дела. – Как часто? Учти, реже двух раз в месяц – бессмысленно. Не будет рейтинга.

– Да подожди ты, видишь, только пилот снимаем! Мысли есть? – нервничал Рома-проповедник.

– Вот что, – отбросил папиросу Костя. – Рано подаёшь финал. Не говори свой текст на фоне инструментов. Все сразу ждут песен. А это ж ударное место! Возьми какой-нибудь задник на складе, скажем, звёздное небо, ну, что найдёшь, и закрой. А потом, ба-бах!

– Точно – согласился проповедник. – Что значит опыт...!

Я обратила внимание, что неподалёку от Бортнева и Ромы стоит Голубева и явно чего ждёт.

– Константин, – обратилась смущённо она к Бортневу.

– Да, слушаю внимательно, восходящую звезду, – раскланялся и поцеловал руку Ирине.

– Не могли бы вы пойти в рекламный отдел и послушать то, что они мне предлагают, то, что они хотят из меня сделать. По дороге я вам расскажу, что уже Митя придумал, – просительно заглядывая в лицо Бортнева, попросила Голубева.

– О, Митя – большой фантазёр. Интересно, что за феерическую историю придумал этот утопист. Пошли, пообщаемся с желторотыми птенцами и их мыслями, – Костя почти вприпрыжку направился к рекламщикам.

– «Реклама – двигатель прогресса» – сказал Бортнев вместо приветствия. – Извините за банальность. Ирина по дороге к вам поведала мне «потрясающую» историю. Очень захотелось услышать продолжение. Не возражаете. Может, и я чему научусь, а то всё старые идеи. Надо ж двигаться вперёд, – с «серьезным» видом сказал Бортнев и сел рядом с Игорем Сергеевичем.

Ребята были несколько растеряны, но отказать Бортневу не решились.

– Так я продолжу, – настойчиво сказал Митя. – Штампы – почему-то имеют успех у почтенной публики. Мне ли вас учить... В общем, однажды у автомата с газированной водой поймал нашу сиротку за руку красивый мужчина в лётной куртке, но не позвал милицию, а повёл к себе. Выбросив билет в Ялту, куда ехал лечиться после ранения...

– Подожди, дорогой, – остановил летящего Митю Бортнев, – в Ялте вокзала нет. Читай Набокова...

Митя внимательно посмотрел на карту, висевшую на стене.

– Разумеется, в Симферополь... короче, звали его Серёжа, был он военный лётчик. Прожили вы с ним пять лет. Счастья не занимать. Но ушёл однажды Серёжа, да так и не вернулся.

– Ты оказывается сказочник, Митя, – вытирая глаза то ли от смеха, то ли от слёз Костя.

– А, по-моему, съе-е-едобно, – не согласился И.С. – Продолжай свое повествование. Мне даже интересно, чем всё закончится.

– Афган, – догадался Бортнев.

– Сбили под Кандагаром, – вздохнул Митя.

Было очень смешно смотреть, как рассказчик переживает свою придумку.

– Секретное задание... Короче, из казённой квартиры тебя тут же в шею, благо не жена. Поскиталась ты по родной земле, пока не встретился тебе хороший человек.

– Это – я, – гордо выпятил грудь И.С.

– И что? – спросила Ирина.

– А то, красивая моя, что если заказчик (Митя указал на И.С.) не против, тогда со следующей недели эта ахинея – твоя судьба.

– И ходить ты будешь в сарафане и кокошнике. Хотя на ТВ этим никого не удивишь, – подмигнул Ирине Костя. – Удачи вам друзья. Он встал и быстро вышел из комнаты.

– Дайте мне время. Я должна войти в роль. Продолжим позже, – довольно жёстко сказала Голубева. – Вы ещё многое должны мне объяснить. Я же официантка, а не актриса.

– Но ты ж закончила Гнесинку. Чему-то вас там научили? – сопротивлялись упорству Ирины все, находящиеся в рекламном отделе.

Ирина встала и, не говоря ни слова, вышла.

– Тут всё делается вот так? – спросила она меня.

– Не знаю, но ты всё ж дослушай их рассуждения.

– Чуть позже. Сейчас мне хочется расцарапать им рожи.

По пути в курилку мы встретили Бортнева и Клёнова, которые о чём-то напряжённо беседовали.

Я услышала только, как Стас сказал, что у них начинаются неприятности. Вызывают наверх. От этого ничего ждать хорошего не приходится. ОНИ хотели легкой шутиливой молодёжной программы и немного западной музыки. А мы стали приглашать разных интересных людей, которых хоть и пытались выводить на легкомысленные темы, но многих несло. Они всё равно переводили разговор на серьёзные темы. Нам приходилось, чтобы не выглядеть полными идиотами, им поддакивать, тоже быть серьёзными. Тем более что народ хотел от молодёжи обстоятельных бесед, советов и так далее...

Одним ухом внимая Голубевой, я старалась услышать, что отвечает Бортнев.

– Стас, политика – это всегда грязь. Вы влезли в опасную игру. Но если я могу чем-то помочь, скажи, – Костя пожал руку Стасу и быстро ушёл, пытаясь не смотреть в ищущий взгляд Голубевой.

Вдруг Бортнев обернулся и спросил меня, не желаю ли я посетить Дом кино. Лицо у него было весёлое, а глаза печальные.

– Костя с вами хоть в бездну, – пыталась соответствовать, его манере общаться, я. Подойдя ближе, тихо спросила, а Голубеву нельзя взять с собой.

– Наглеешь, Лялька, но ладно бери. Только избавь меня от необходимости давать ей советы. У неё уже есть руководители.

В Доме кино, прямо на лестнице мы встретили Ваню, и Костя с удовольствием побежал к нему, явно отделяваясь от нас.

– «Поздравляю», – торжественно сказал Иван, показывая газету с портретом Бортнева. – «Стареющий Гудвин снова запустит адскую машину на следующей неделе... Пафос Бортнева, анонсирующий приз пятилетия так же лжив, как и его энциклопедическая эрудиция». – Слушай, эта Элла тебя прямо в сухомятку лопаёт.

– Думаю, не без майонеза Двинского и Протасова. А я ещё Стасу сочувствовал, – тихо произнёс Бортнев. Его лицо улыбалось, но губы были крепко сжаты.

На верхней ступеньке у самого выхода в ресторан стояла девочка-журналистка. Она протянула к Бортневу диктофон и выпалила.

– Вика Лисовская – «Комсомольская правда». Господин ведущий, можно вопрос, если хотите не для печати. Вы богатый человек?

– Именно для печати, – засунув руки в карманы брюк смокинга и прислонившись к колонне, скрестив ноги, Бортнев выпалил – попросу дословно. Я один из богатейших людей этой страны. У меня семья, любимая работа и настоящие друзья. Многие ли могут этим похвастаться?

Журналистка кисло ватно улыбнулась.

– Ляля, Ира за мной, – как-то сердито веселясь, пригласил Бортнев.

– Куда? – испугались мы.

– Святая святых – ресторан Дома кино. Это особое место. Сколько судеб здесь сложилось, сколько разбилось, вы и представить не можете. Начинайте включаться в светскую и деловую жизнь людей искусства и шоу-бизнеса.

За сдвинутыми, безукоризненно сервированными столами в пустом зале сидела большая пёстрая компания. Костя усадил нас, подвинув продюсеров и поднял тост.

– Есть такой штамп у моих коллег, клясться в своей ненависти к слову спонсор. Дескать это не спонсоры, а близкие люди... И, так далее. А я посмотрел в словаре SPONSOR – и аж три значения. Первое – поручитель, второе – крёстный отец или мать, и лишь на третьем месте – организатор и устроитель. И поэтому ты Тима и ты, Эдик – для меня именно спонсоры, мои крёстные, поручители за дела мои перед людьми в этом мире и на небесах.

Тима и Эдик, красивые молодые люди южного типа встали и поцеловались с Костей через стол. Потом Бортнев сел.

– А в словаре Миллера, – тихо сказал слева сидевший продюсер Протасов – есть ещё два значения: покровитель и заказчик рекламы. Но это вроде бы, ни при чём.

– Вот узнают они, как ты рискуешь их деньгами, ворочал в тарелке толстые ломти осетрины, измазанные жиром Сёма Двинский, – и будешь искать в словаре как по-английски Секир-башка.

Зазвучала музыка, празднество ещё продолжалось. У Кости зазвонил телефон. Он очень быстро выбежал из ресторана.

Мне было страшно любопытно, куда Бортнев так спешит. Я была свободна, так как Голубеву нашли рекламщики и накачивали её.

– Привет, – сказал он нежным мультфильмным голосом и нежно обнял женщину. – Ты всё-таки пришла – мерзейшее существо, мегера моя постылая, тяжкий крест жизни моей всей? – Костя долго целовал ладонь, как я поняла жены. Я видела фотографию Вали у Бортнева в портмоне.

Я, как всегда пряталась за колонной.

Слышно было прекрасно, каждое слово отдавалось у меня в ушах.

– Узнаёшь, тоже ласково и не чуть не удивляясь эпитетам, которыми «обзывал» её муж, – откликнулась Валя. Видимо, они всегда так разговаривали. – Ты гадина телевизионная, коварный изменщик, сгубивший мою жизнь? – пандан мужу отвечала жена. – Я принесла тебе сценарий, который ты забыл, хотя хотела отомстить, но не сумела.

– Как ты там? Влачишь жалкий жребий нелюбимой брошенной матери-одиночки? Или, может, впустила супостата в холодное брачное ложе?

– Угадал. Весь день смотрела порнуху, а потом грязно отдалась слесарю.

– Молодец, а как там отродье, жертва случайной встречи двух некогда юных тел?

– Отродье спит. Набегалась где-то, – отвечала Валя в том же Костином стиле.

– С этим Вовой?

– Вову в данное время уже зовут Серёжа. Но, по-моему, он ничем не хуже. Послушай, трагедия моей личной судьбы, в редких встречах тоже что-то есть, – задумчиво посмотрев на Костю, сказала Валя.

– Постарел? И ты меня больше не любишь, – с усмешкой, но напряжённо поинтересовался Костя.

– Погрустнел. У тебя проблемы? – взволнованно пыталась выяснить Валя.

– Не могу больше говорить, – ушёл от ответа Бортнев. – А ты прекрасна, и твой голос всегда звучит во мне. Особенно, когда трудно. Но Тимур хочет поговорить насчёт финансирования нового цикла. Это не пропустишь, извини.

– Иди телевизионный маньяк, ненавидимый мною, – засмеялась Валя и крепко прижалась к Косте. Ты только, иногда звони. Мне главное, что ты жив...

Костя заглянул за колонну и вытащил меня на ступеньки.

– Тебе, Ляля, зачем слушать мои разговоры с женой, – разозлился Бортнев. – Ты всё хорошо слышала? Здесь прекрасное эхо. Может, ты агент моих соперников или продюсеров, которые мечтают меня заглотнуть, даже не пережёвывая.

– Вы простите. Мне всё интересно знать про вас. Вы жену никогда не приводите, не говорите о ней. Вот мне и стало любопытно, – смущённо и виновато бурчала я.

– Запомни, если я ещё свою личную жизнь сделаю общественной, то мне собственно не останется ничего. Ты попробуй вникать в профессиональные дела и не ходи за мной. Я могу и обидеться. Я сам позову, когда мне будет нужна твоя помощь, Лялечка.

Бортнев пошёл, но тут же повернулся.

– Не обижайся. У человека должно быть собственное пространство, хоть иногда, иначе он умрёт.

Я вышла в зал и увидела, как к Бортневу подошла девушка. Казалось она пришлась съёмочной площадке МТВишного клипа.

– Костя, можно к вам обратиться, – покачиваясь на тонких высоких каблуках, кокетничала девица. Я сегодня без машины. Тимур сказал, что вы могли бы отвезти меня домой. Извините, что так бесцеремонно...

– Спасибо, – тихо сказал Костя, – и вам, и Тимуру за эту феерическую возможность. К несчастью, на эту ночь я уже занят...

Бортнев показал глазами куда-то девушке за спину. Она обернулась и увидела на краю стола чавкающего, неаккуратного Сёму. Девица удивлённо посмотрела на Костю, а он удручённо покачал головой, мол, сердцу не прикажешь...

Бортнев поклонился и быстро направился к какому-то пожилому человеку.

Воспитательная беседа Бортнева со мной не возымела действия. Я хотела вникать в абсолютно все события и тайны этого «Мадридского двора».

– Валерий Алексеевич, приветствую вас и хочу попросить об одной очень важной услуге, – Бортнев внимательно смотрел на собеседника, ожидая ответной реакции.

– Ты о Стасе, как понимаю. Я его тоже очень ценю, уважаю и даже люблю как сына, но больно он уж активен и реактивен. Он стал неуправляем. Ты не представляешь, что он наговорил сегодня начальству.

– Но их программа самая лучшая на нашем НОВОМ ТВ. Вы сами помогли им её запускать, – жёстко сказал Костя.

– Да, но Стас очень любит управлять другими. Даже его команда на него жалуется. Та компания, которая начинала новый формат практически распалась.

– И что? Такого выдающегося человека, только потому, что у него есть своё мнение и представление о программе нужно гнать? – Бортнев побелел и почти кричал на Валерия Алексеевича.

– Вообще, на нашем эфирном пространстве хватает тебя одного. Ты же тоже никого не слушаешь.

– Я сам нахожу спонсоров, сам отбираю участников. Мои продюсеры лишь достают то, что необходимо для спокойного прохождения моей программы. У неё между прочим самый высокий рейтинг, – завёлся Бортнев. – Но у «Взора» рейтинг не ниже. Почему вы хотите их разогнать?

– Никто не собирается их убирать. Просто несколько измениться наполнение передачи.

– Я понял, – Бортнев пожал руку собеседнику и поблагодарил, что тот потратил на него время.

Я быстро смылась из-за колоны, у которой велась беседа, но тут же наткнулась на Клёнова и корреспондентку, которая очень волнуясь и заикаясь по бумажке, пыталась задавать вопросы.

Скажите, Стас, вас узнают на улице?

– Да, люди подходят и говорят о своих проблемах, горе. Приходишь на работу разбитый и подавленный, а здесь нужно шутить, даже обсуждая самые серьёзные вопросы. Последнее время мне стало это плохо удаваться, – напряжённо даже драматично говорил Клёнов.

– И какой вы видите выход? Ведь вашу программу очень любят и ценят именно за оптимизм и умение отвечать на сложные вопросы с жизнерадостностью, давать людям веру в лучшее.

– Наша слаженная поначалу компания стала несколько распадаться. Кто-то ушёл на другую работу, я решил попробовать стать шоуменом. Благо у меня есть свои спонсоры, которые имеют достаточно весомое положение.

– А что это будет за программа? – с большим вниманием спросила девушка.

– Пока это всё, что я могу вам рассказать. Должна же быть тайна, чтобы народ ждал нового и интересного.

– Извини, что невольно стал свидетелем твоего интервью, – Бортнев подошёл к Стасу.

– Понимаешь, я хочу свободы. Мне кажется, что, если я буду сам и ведущим и продюсером, то всем станет только лучше.

– Ты слишком оптимистичен. Свободы на нашем благословенном месте работы нет ни у кого, – с сожалением покачал головой Костя.

– А ты? Тебя же не трогают, – с надеждой сказал Клёнов.

– Иллюзия выше реальности, – улыбнулся Бортнев и пожелал Стасу удачи в его начинаниях.

Я села за пустой стол и пыталась переварить всё, что слышала сегодня. Честно я была расстроена и растеряна.

– Пытаешься понять, что происходит. На это у тебя уйдёт не один год, – горько сказал Костя и погладил меня по голове. – Плыви по течению, может, поможет. Если соберёшься бороться, то есть опасность застрять в сетях, золотая рыбка.

Бортнев помахал пальцами, как Минелли в конце фильма «Кабаре».

Я уже собиралась уходить, как увидела в противоположном углу Голубеву в полуобморочном состоянии и пьяненьких Митю, Диму и Вадика, которые ей что-то втемняшивали. Нужно было её вытаскивать. Но подойдя к рассуждающим парням, сама попала под влияние их проповеди.

– Понимаешь, малыш, – объяснил Митя интимно, – у нас тут гражданское согласие на марше. Дима отвечает за прогрессивную прессу. Я – за реакционную. Значит, с Диминой подачи его креатура, то есть 25 газет и 3 журнала начнут воскурять тебе демократический фимиам: мол, 70 лет душили в стране всё живое, и вовек не подняться из нужды простой сироте. Но нарождающийся шоу-бизнес вынес, понимаешь, на гребне волны и она, в смысле ты, с оптимизмом смотрит в будущее... так?

– А мы с патриотами свое зачалим – самобытный талант, подлинный национальный характер, плоть от плоти, кровь от крови, лимфа от лимфы... Сечёшь, – объяснял, покачиваясь, Митя.

– Секу, – сказала явно одуревшая от накачки Ирина. – Только насчёт сироты... С матерью сами договаривайтесь. Я там пять лет не была.

– Сделаем, – уверил Митя. Игорь Сергеевич, командировочку сделаем? Смета растёт...

– Деньги принимаю я, сказал, перегнувшись через барную стойку Вадик. – А то он пропёт с представителями реакционной прессы. При участии демократической...

– А ты? – спросила его Ирина. – За какую прессу отвечаешь?

– За жёлтую, – охотно пояснил Вадик, и ещё эти... журналы для мужчин. – Тебя в детстве отчим не насиловал?

– Мерзавцы, конечно, – добродушно объяснил И.С. Ирине. – Но дело делают. Знала бы ты, сколько биографий они сочинили. И чьих...

– Я всё поняла. Пойду вживаться в образ, – улыбаясь, показывая оскал белых зубов, уверила своих патронов Голубева. – Пошли отсюда быстрее, а то я их загрызу.

Я так и не понимала, какую игру ведёт Ирина, но вопросов задавать не стала. И так, свою порцию наставления, заданий и тем Голубева явно получила и перенасытилась. Захочет, сама расскажет. Мы поймали такси и разъехались в разные стороны.

Утром я проснулась с ощущением, что моё шатание по коридорам Останкино пока не принесло никаких результатов. Необходимо работать на одной программе. Мечту свою я боялась произнести даже вслух. Понуро я поплелась на работу.

– Ляля, – окликнула меня главный редактор программы «Звезда экрана» Татьяна Николаевна. – У меня создалось впечатление, что ты не очень занята работой. Я не права? – с доброжелательным выражением лица пыталась узнать редактор.

– Как раз об этом я и размышляю. Меня взяли администратором, но на какую программу не сказали. Обещали, обещали пристроить, но я так и мотыляюсь без дела, стараясь прибиться к какой-нибудь передаче, но пока мне дают лишь отдельные и пустые задания.

– Я уяснила. На «Звезде...» пришлось уволить одну «милую» девушку, которая плохо понимала даже буквы, которые мы произносили, и донимала Бортнева. Мне, кажется, что ты человек, который способен хорошо работать и не влезать в то, что тебя не касается.

– Честно – это моя мечта, – запрыгала я козликком.

– Татьяна Николаевна успокоила меня и повела в комнату, где располагались работники «Звезды экрана».

Она дала мне несколько заданий: кому-то срочно позвонить, встретить человека, с которым у Бортнева назначена встреча. Потом посадила за компьютер, чтобы я нашла и напечатала список фильмов, которые могут быть интересны ведущему.

Быстро справившись со всеми поручениями, я пошла покурить. Неподалеку от меня стояли двое ведущих «Взора».

– Не понимаю, почему перед Стасом выкладывают красную дорожку. Он что такой уж талантливый журналист, – горячился Лёва.

– Он харизматичен, и нравится народным массам, – вялоотвечал Вася Гурвинек.

– Ему больше всего удастся продюсерская деятельность, – продолжал свои размышления Лёва. – Нам же он совершенно чужой. Он держится обособленно, будто всё, что мы делали вместе его личная заслуга.

– Он шоумен, умеет себя правильно и красиво подать. Это дар, – успокаивал Лёву Вася. – Брось кипятиться. Не он же закрыл программу. Нам нужно думать, что делать дальше.

– Мне, видимо, опять ездить по городам и весям с рассказами о «Взоре» и читать свои «остроумные» произведения. Сколько денег мы потеряем. Реклама ёк.

– Я тоже кое-что придумал, но сначала хочу посоветоваться со Стасом, – задумчиво сообщил Гурвинек.

– Он что твой командир, учитель? Почему с ним?

– Клёнов умный и прагматичный, а мне сейчас это и нужно.

Они двинулись к себе, а я подумала, что на ТВ, дружбы быть не может. Все кому-то завидуют.

Я вернулась к себе и увидела спокойную и приятную картину. Костя и Сёма играли в нарды, притулившись на диванчике.

Атмосфера в комнате была абсолютно домашняя: висел абажур с бахромой и кистями. Ходики отбили половину четвёртого.

Сёма, – делая ход пешкой, ударяя по доске, обратился Бортнев.

– Я тебе точно говорю, нам нужна кода, Эверест. Не может приз пятилетия попасть в руки сомнительной удачи. Это должна быть победа интеллекта, непосредственная, эмоциональная и патриотичная, как... как подъем флага на Олимпийских играх. Возьми на себя Протасова, а я подготовлю героя. Это будет настоящая победа.

– А почему сегодня? – удивился Двинский.

– Что, почему сегодня? – возмутился Бортнев.

– Ты отдал целую ночь мне? Тебе что, не с кем провести время? Я найду. Ты только скажи и на том самом ЗИМе приедет любая царица ночи, – явно устав от напора Бортнева, пытался поддеть ведущего Двинский.

– А ты помнишь, свинья, в каком состоянии ты был в Доме кино. Я еле приволок тебя сюда. Сначала, мне показалось, что ты умираешь. Ты хватался за сердце и кричал, что пришёл

твой конец. А ты опять о деньгах. Насчёт ночных бабочек. Что ж меня просто так никто полюбить не может? Вместо общения с приятной женщиной, я трачу свое бесценное время на тебя, неблагодарный боров, – смеясь и делая следующий удачный ход «воспитывал» Сёму, Костя.

– Тебя обожают вся наша огромная держава. Но удовлетворять твои имперский замашки не может никто, – твёрдо сказал Двинский.

– Мы же это уже обсудили. Что ты хочешь? Чтобы я отказался от своей мечты? Это единственное, что меня держит в этой вашей клоаке. Кстати я выиграл, – радостно объявил Бортнев. – Перерыв. Я пройду, а ты думай Сёма – дорогой мой человек.

– Ляля, рад, что ты в нашей команде. Пойдём, я покажу тебе фантастический мир.

Мы вышли из комнаты и сразу услышали страшное гроыхание. В одном из самых больших павильонов вручную строили огромное колесо.

– Приветствую вождя перестроечного телевидения, – приветствовал Костя Стаса, который активно командовал командой рабочих.

– Приветствую лучшего элитарного ведущего нашего свежего взгляда на мир, – отшучивался Клёнов.

– Я смотрю, ты переходишь в наш цех шоуменов, – шутил Бортнев.

– Хочу быть ближе к искусству. Мне мало заниматься только журналистской информационной программой и разоблачениями, хочу поиграть в другую забаву. Пофиглярничать, – от души радовался Стас.

– Флаг тебе в руки. Главное, чтобы не было войны, – не мигая, прямо глядя в глаза Стасу, Костя обнял его и махнул мне рукой. Мы пошли дальше, и добрались до рекламного отдела.

– Зайдём к нашим перспективным юным мечтателям.

В офисе И.С. два славных, как-то особенно модно подстриженных, слегка экстравагантных мальчика раскладывали эскизы, говорили мягкими голосами...

– А это в развитие имиджа, если дело пойдёт, немножко острее: косая кожа, вот тут и тут полностью открыто, такие круглые окошки; и на сосках – лёгкие зеркала от мотоцикла...

– Подожди Тё – ё-ёма, – удивился И.С. – Я тебе что заказывал?

Тёма заглянул на обратную сторону эскиза.

– Ой, – захихикал он. – Это мы для Магды, это не ваше...

– А что у Магды новый проект, – рассматривая эскизы, удивился Бортнев. – Она давно никого не хлестала.

– Да. Ещё одна...

– ...сексуальная озабоченность, – бархатным интимным голосом произнёс Костя.

– Ну, вы же Магду знаете... – жеманно приложил палец к губам Тёма. – Только, – он спохватился, – Игорь Сергеевич и вам Константин, мы ничего не говорили.

– Я умоляю, – сказал И.С. – Кому ты объясняешь... Ну, показывай.

В углу сидела забитая и забытая всеми Голубева.

– Так вернёмся к костюму сироты, – обрезая очередную сигару, величественно приказал Игорь Сергеевич.

– Вот, это ивановские ситцы. Они, в принципе, очень хорошие и будут работать на образ на первом этапе, только вот тут и тут, такие фольклорные вставочки, – показывал Тёма места, куда будут вшиты валансьенское кружево, а смотреться как вологодское, – умилялся художник собственным придумкам. – Нежно-розовый тон и обратите внимание; вырез довольно глубокий – такой, знаете, лёгкий контраст в общем контексте невинности... вот только... Тема покосился на Ирину сидящую, как каменная, на диване. – Вот здесь... – показал он на эскизе – не очень убедительно..., учитывая эксплуатацию здорового народного имиджа..., – покраснел Тёма.

– Сиськи? – добродушно спросил И.С. – Ну, предположим, наблюдается некоторый дефицит, – ещё раз оглядев Голубеву продюсер. – А что, есть идеи?

– Я бы рекомендовал банальный силикон, – строго пояснил второй парень. – Правда, есть ещё одно средство... несколько экзотичное... – он пересел на подлокотник к И.С. и зашептал тому что-то на ухо. Продюсер слушал внимательно, а потом расхохотался.

– Потрясающе-е! – продолжал смеяться он. – Это кто придумал, аме-ериканцы?

– Филиппинцы, – показывал свои познания молодой человек. Но американцы уже купили технологию. И, кажется, французы. Успех – процентов 95. – Вы на это пойдёте?

– Конее-ечно, – уверил И.С. – А где-нибудь месяца че-е-ерез три организуем утечку информации. И тут же опровергнем эту грязную спл-е-етню.

– А я? – спросила Ира. – Я на это пойду?

– А ты, тем более, – даже не рассердился И.С.

– Девочка, хочешь стать звездой, терпи, – обратился Бортнев к Ире. – Скажи спасибо, что они ещё не предложили тебе поменять пол или стать животным, – совсем разозлился Костя. – ТВ – такое отчаянное и загадочное место. Здесь такие фантастические изменения происходят с людьми, сама себя через некоторое время не узнаешь.

– Ты закончил «портить» мой...

– ...товар, – хотел ты сказать, уважаемый Игорь. – Боже упаси, но человек всё же должен знать в какое болото он вступает. А, вообще, я вас всех целую нежно в ваши... – Бортнев то ли подмигну, то ли это был тик, поправил очки и вышел, хлопнув дверью.

– Тоже мне оракул, – недовольно проворчал розовый продюсер. – Ты иди пока, без тебя сошьём сарафанчик и наклеим, что куда надо. Тебе понравится.

Мы с Голубевой выходили под общий хохот, оставшихся у рекламщиков.

Мы выперлись с поникшими головами, и молча, поплелись в курилку. Мы встретили весёлого Клёнова. Он разговаривал с каким-то очень элегантно одетым мужчиной. У того даже запонки ярко блестели бриллиантами. Человек был с неприятным лицом, острым взглядом и опущенными уголками губ. Стаспоказывалему работы, которые велись в павильоне. Тот качнул головой и продолжал тихую беседу с Клёновым.

– Девчонки, что такие понурые. Трудна и неказиста жизнь великого артиста, – переделал известные стихи ведущий.

– Артистка будущая среди нас только одна и то неизвестно, – пояснила я, так как Голубева ещё не вышла из стопора.

– Неважно, любая работа на нашем новом ТВ должна приносить счастье, – то ли острил, то ли всерьёз подбадривал Стас. – Я прав Виктор Владимирович?

– Пока ты всегда прав, – тихо, но противно засмеялся собеседник Клёнова. В курилке, где, на удивление было тихо, Голубева, наконец, оттаяла.

– Они думают, что я кукла, хочешь, голову оторвёшь, хочешь, ноги выкрутишь, хочешь и вовсе всю переделаешь, – кипятилась, стремительно выпуская дым девушка.

– Ты же сама согласилась. Что теперь-то рыдать и причитать. А вдруг будет фурор. Ты ж способная и стойкая, справишься, – подбадривала я приятельницу.

Я посмотрела на часы и, махнув рукой Ире, бросилась к себе на рабочее время.

– Ляля, Бортнев сказал, что послал тебя по какому-то важному поручению. Тебя так долго небыло, что я решила, ты уже уволилась, – удивлялась и возмущалась Татьяна Николаевна. – Садись за компьютер и напечатай, пожалуйста, несколько писем, которые уже часа два, как должны были получить. Сев за комп., я прислушивалась к происходящему в комнате.

– Ой, можно подумать... ты святой, а остальные говно, да? – продолжил свою тираду Двинский.

– Сёма, я хочу совместить прекрасное и низменное. И по-другому не будет.

– Ну, да! Ты, конечно, думаешь, что твои кинематографические изыски и нежное сердце, которое разрывается на каждой передаче, кто-нибудь оценит. Смешно. Ха-ха...

– Плохо, – горестно сказал Бортнев.

– Что плохо? – удивился Двинский.

– Играешь отвратительно. Тебя совершенно не интересует, всё, о чём ты сейчас говорил. Ты даже не знаешь значения слов, которые ты произнёс... – скорбел Костя.

– Перестань, Костя. Ты всё время пытаешься казаться лучше, чем ты есть. Это всё враньё. Не верю ни одному твоему слову. Это тоже... маска. Я что мало работал с телеведущими. Тоже хотят больших, даже огромных денег. И свою харизму тратят именно на это, только примочки у них разные. Вот твой друг Клёнов постепенно подминает под себя всё перестроечный эфир. Ты думаешь, он бьётся за просвещение народа, за воспитание лучшего вкуса и жизнь у людей? Если ты так считаешь, то ты бредишь, дорогой Костя. Ты посмотри, с кем он общается, кто ему помогает подниматься выше и выше.

– Ты хочешь, друг Сёма, чтобы я отказался от зарплаты или... – Костя пропустил Сёмин монолог по поводу стремлений Клёнова.

– Или. Я хочу, нет, я мечтаю, чтобы ты реально смотрел на мир. И перестал торговать своим нимбом. Его свечение итак преследует меня и Протасова днём и ночью. А лично для моего местечкового мышления, как ты любишь говорить, это совсем перебор. Я плохо сплю, – нервничал Двинский.

– Ты, Сёмочка, плохо спишь, потому что всё время считаешь мои деньги, а теперь ещё и Клёнова.

– Почему твои?

– Потому что их дают под меня, под мою аристократическую рожу и свечение над головой. Это только увеличивает свет и блеск монет у вас в руках. Правда, здорово сказал? – хлопнул по доске в нарды Костя, так, что шашки на нардовской доске, и все люди в комнате подпрыгнули.

– Почему ты считаешь себя истинной в последней инстанции? Мы, конечно, маленькие люди, но кое-что понимаем в шоу-бизнесе. Этим нужна простота, ты уже завоевал все места под солнцем останкинской башни. Можно опуститься на землю, они скоро перестанут тебя боготворить, ты же видишь – публика изменилась. Ей хочется простоты и понятности. Тех, для кого ты всё делаешь, уже не существуют! Они либо уехали, либо вымерли, как мамонты. – пытался достучаться Двинский до Бортнева.

– Ну, понятно, три ноты, – делая ход, задумчиво сказал Бортнев.

– Какие три ноты? – не понял Двинский.

– Нот всего-то семь. Может это для тебя открытие? А в вашем шоу-бизнесе используется всего три. Ты так хочешь? А прибыль только больше. Я тогда не участвую. Кстати шеш-гоша, ты проиграл. Кстати, Сёма ты обратись к Стасу, он, сейчас, как раз делает программу для простого народа. – Ляля, будь добра, принеси мне кофе в зимний сад, с разрешения Татьяны Николаевны.

– Если Ляля выполнила задание, то естественно, дорогой, – с искренней нежностью сказала шеф-редактор. Все знали, что Татьяна обожала Костю.

– Я выполнила все ваши распоряжения, Татьяна Николаевна...

– Беги, остуди нашего гения, – полушутливо, погладив Костю по руке, отпустила меня глав. ред.

– Как же там душно, в буквальном и переносном смысле, – проговорил Костя то ли мне, то ли себе.

– Бортнев, иди мой друг талантливейший из талантливейших сюда. Хочу познакомить тебя с нашим новым партнёром, одновременно, патроном – Виктором Владимировичем, – весело, но с большим пиететом представил мужчину с бриллиантовой булавкой, которая просто озаряла галстук, и всё вокруг.

– Мы виделись на одном вечере, – без экстаза поздоровался Костя, слегка наклонив голову, но руки не подав.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.